

Блинов

Моя жизнь
в Австралии

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ЕН 242
5565

Н. БЛИНОВ

Моя
жизнь в
Австралии

ПРОФИЗДАТ - 1933

Н. БЛИНОВ

X

ЕН 242

Б 565

Моя жизнь **в Австралии**

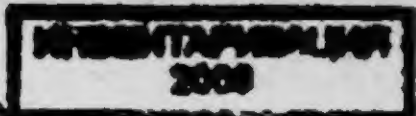
ВОСПОМИНАНИЯ РАБОЧЕГО

ПРОФИЗДАТ

Москва 1933

ЕН242

Б565

331 (94)
Б—69

52
34 202979

Содержание

	Стр.
В царской России	3
На пути в Австралию	6
Приехали!	9
Мировая бойня	12
Когда я начал сознательную жизнь	13
На рубке сахарного трост- ника	18
Стачки	24
Моя агитационная работа	32
На погрузке	48
В поисках работы	51
„Защита“ профсоюза	60
Суд	63
На медных рудниках	68
Возвращение в СССР	73

В царской России

Я родился в 1884 г. в селе Прошкино Щадринского уезда. Отец мой имел свой дом, сам хозяйничал.

Мать моя рано умерла. Нас осталось три сестры и три брата. Я был средний.

Когда я окончил сельскую школу, учительница Александра Поликарповна приходила к нам на дом, уговаривала отца, что я должен дальше учиться, но, увы, отец не мог принять доброго совета, так как я уже был помощником в семье: за 5 рублей в месяц работал летом у кулака, а зимой, скитаясь как подмастерье с бродягами-жестянщиками, получал 50 копеек в месяц.

Подоспело время призываться на военную службу. Меня приняли в солдаты или, как говорили тогда, забрили.

Окончив службу, я вернулся в село.

Отец мой помер. Хозяйство было поделено между братьями. Поэтому я решил поехать в одну из больших деревень Оренбургской губернии. Там я нанялся с женой на год к кулаку-полупомещику Дмитрию Ивановичу за 100 рублей и 1 десятину пшеницы.

У него было 10 рабочих, но летом работало около 20 человек.

Подошло страдное время — уборка хлеба. Я был вроде старшего. Рабочие однажды заявляют мне:

— Вот, солдат, вчера Парашка (девка-стряпуха) сварила только сухарницу, никто не стал ее есть.

Выяснилось, что хозяин, как обычно в постные дни, дал на дневной паек одним только сухарей. Я спросил рабочих:

— Чего же вы хотите?

— Да пусть Дмитрий Иванович на эти дни хоть рыбы оставляет нам. Вот он едет, скажите ему, что-то он вам ответит.

Хозяин идет, наклоняется к снопам и приговаривает громко:

— Вот люди жужжат, не желают работать. Ну и будут у хлеба — да без хлеба.

Один подросток и говорит хозяину:

— Да, дядя, мы хлеб убираем, а без хлеба. Парашка сварила сухарницу густую и холодной водой добавила, никто ее и не ел.

— Ну что же, сухари — не хлеб? А что холодная вода, то лучше — не обожжешься, скорее наешься.

— Ты, дядя, — говорит неугомонный подросток, — хотя бы рыбы нам оставил.

— Х-мы, рыбы-ы захотели? Вон озеро (и он указал пальцем в сторону озера). Спусти хвост и налови рыбы.

Это издевательство возмутило меня. Я возненавидел кулака, взял расчет и ушел в другую деревню (Курочкино), там нанялся к новому хозяину.

Этот слыл мягким человеком. Он был сектант. Но и тот и другой заставляли работать по 16 часов в день. Тут я тоже прожил недолго.

Передо мной встал вопрос: как начать жизнь независимо от кулака?

И мы с женой и младшим братом решили оставить село и ехать.

— Куда? — спрашивали мы один другого и отвечали:

— Поедем, куда глаза глядят.

Пришли на станцию Мишкино. Встретили там односельчанина Рязанова. Порассказали ему.

Он посоветовал нам ехать в Сибирь, на ст. Зима.

— Там можно будет шпалы рубить, — сказал мне Рязанов, — или поступить на железную дорогу. Он дал нам адрес своей знакомой, проживающей на этой станции.

Мы купили билеты до ст. Зима, там разыскали знакомую нашего односельчанина и поселились у нее. Это было в разгар сибирской зимы — в декабре.

Квартира была холодная, окна обледенели извне и изнутри. Хозяйка с детьми жалась на печи. Тяжело пришлось нам на новом месте.

Но скоро я поступил кондуктором на железную дорогу и переменил квартиру. Новый хозяин был хороший, начитанный, многими вопросами интересовался.

Помню он дал мне книгу о Сахалине, где описывалась каторжная жизнь политических. Я не мог оторваться от этой книги. Много новых мыслей она подняла у меня.

Служба на железной дороге казалась сносной, но нарядчик Кравченко враждебно относился ко мне. Объяснялось это тем, что я дал телеграмму в управление дороги, прося разъяснить, почему мы, прослуживши по три года, еще не получили спецодежды. В ответ на телеграмму нам всем прислали спецодежду, но нарядчик пригрозил нас согнуть в бараний рог.

Атмосфера становилась отвратительной. Группировались среди сослуживцев «истинно-русские» люди, наущивали начальству.

И я решил ехать в Австралию, так как оттуда были сведения о том, что это «страна свободы». Собралось нас несколько человек. Все разом уволились со службы.

Но как ехать, как взять паспорт, который стоит 25 рублей?

Пораздумав, я решил ехать без паспорта.

В железнодорожной форме доезжаю до пограничной ст. Куаньчендзы.

Меня приняли за служащего. Слез на остановке и

иду в обход (дело было на рассвете) железнодорожного жилья. Слышу окрик:

— Стой! Куда идешь?

— На станцию Чанчунь.

— Нет, врешь. Твои родственники в Австралии, ты бежишь туда. Открой чемодан!

Я открыл. Пограничник осмотрел все, что лежало в чемодане.

— Иди,— и он даже указал мне, куда идти.

Я пошел, а в голове мысль: «Вот отойду несколько шагов, и он меня застрелит». Но этого не случилось.

Невредимый пришел на ст. Чанчунь. Уже рассвело, когда я встретил там других беженцев.

На пути в Австралию

Всех нас, беглецов из России, встретил японский агент из эмиграционного бюро. Он указал нам, куда следует поскорее уйти. Мы очутились в Хатовке. Нам дали закусить и спросили у нас денег на билет по железной дороге до ст. Дайрен.

Через несколько часов мы были уже в Дайрене. Там нас также встретили агенты-японцы и поместили в гостинице, где собралось около 50 русских беженцев. Все держали путь в Австралию.

Тут нас более подробно ознакомили с Австралией посредством журнала эмиграционного агентства, который издавался в Харбине.

Журнал этот составлялся почти целиком из писем выходцев из царской России, которые жили в Австралии. И мы поехали с убеждением, что встретим своих соотечественников в стране свободы, солнца, где нет зимы, вечная зелень, что встреча будет гостеприимная.

16 марта мы были уже на китайском пароходе. Едем

в Моджи. Нас около 50 человек. Были женщины с детьми, едущие к мужьям. В Моджи нас встретил японец-переводчик, он же и агент. Тут нам предстояла пересадка на английский пароход.

Пришлось несколько дней провести на квартире у агента Катаяма.

У него был сынишка. Этот мальчик говорил немного по-русски и показал нам город. Нас очень удивляло то, что мы видели. Городок, как игрушка, стоит у моря на высоком месте. От побережья до верхушки горы — домики. Домики эти, как сказочные, прицепились то там, то сям на горе и под горой, и с боку горы, все в зелени.

Обернешься назад, на море, поближе к берегу, видишь на воде уйму лодок. Эти лодки не для катания. Рабочие семьи живут в них всю жизнь, как в тех бамбуковых домиках, которые прилепились к горе.

Мальчик нам объяснял, что эти люди ловят рыбу, снабжают ею город, и повел нас посмотреть рыбный рынок.

Идем по узкой улице. Уже по дороге кажется, будто по тротуару вместе с нами идет рыба. Она везде в лавках, под стеклом; она играет, радуется своей свежестью, блеском, разнообразием форм, цветом. Одна — серебристая, другая — золотистая, все разные.

Кто-то заметил вслух:

— Тут с деньгами жить хорошо!

— Да, — подтвердило несколько голосов.

Пера на английский пароход. Там нас подвергли врачебному осмотру, выдали каждому матрац, подушку, одеяло, простыню. Поместились почти все в трюме. В нашей группе ехал еврей, который не раз был в этих местах и знал хорошо английский язык. Он был у нас за переводчика.

В пути мы, рабочие, были солидарны, чувствовали

себя одной трудовой семьей. Пели песни, смеялись, бегали по палубе, выдумывали разные общие игры. Все это от радости, что вырвались из царской России.

Как-то старый еврей пошел даже плясать. Это подзадорило кавказца, который начал разделявать русского гопака под двухрядную гармонику. Но и среди нас нашелся «истинно-русский». Он держался молчаливо. Угрюмо поглядывал на наши дружные пляски, разговоры и смех. Потом внезапно закричал на молодого еврея:

— Ты, жидовская морда, зачем бегаешь за русской девчонкой?

В ответ последовало короткое:

— Ты кто здесь?

Я кричу:

— Погромщик!

— Вон жидов, за борт! — взвизгнул «истинно-русский». Но его уняли, сказав, что мы здесь не в царской России.

Подъезжаем к Гонконгу. Это мировой порт. Город раскинулся панорамой против нас. Азарт нас разобрал: решили артелью пойти в город, оделись в лучшую одежду. Будто врасплох застали мы улицы Гонконга, точно распоясались они, вывернули наружу все свое нутро. Мы удивлялись беззастенчивости их. Магазины, банки, нет конца банкам.

Зашли в магазин купить кое-что. Нас встречают приветливыми взглядами, кивают головой, указывают то на то, то на другое. Выбор большой. Догадливый приказчик тычет рукой в товар, сразу называет цену. Какие деньги — безразлично; он готов принять английские, русские, японские, французские и т. д. Показывает, выворачивает карманы, сам отсчитывает деньги, остаток прячет в карманы.

Следующая остановка в Манилле на Филиппинских

островах. Жарко. На пути к Манилле часто поливают водой натянутый над нашей палубой брезент.

Когда причалил пароход, все кинулись в город на рынок, чтобы утолить жажду водой со льдом. Город нас не привлекал, так как стояла невыносимая жара.

Уже 30 суток мы в пути.

Приехали!

Вот и порт Дарвин — австралийский порт! Пароход пришвартовался. Это маленький городок, жаркий. Но под вечер жара спала. Идем в город. Навстречу новые для нас люди. Это австралийцы. Народ белый, в белой одежде. Всматриваются в нас так пристально, как будто хотят смерить с ног до головы. Мы закупили табаку, папирос и возвратились обратно на пароход.

29 апреля наш пароход подходит к г. Брисбену. Долго едем бухтой. Пароход как бы врезывается все далее, и громадные строения все ближе подходят к нему. Мы все на ногах, растерянные. Смотрим то на ту, то на другую сторону. Пароход замедляет ход.

Какой восторг! На пристани люди подпрыгивают от радости. Нам показалось, что тут все очень хорошо одеты. Около 20 человек сошли в Брисбене, в том числе и я. Сошли мы весело. Нас встретили, повели в эмиграционное бюро, люди на нас глядели, как на русских медведей. И действительно, одежда наша — разноцветные русские рубашки, широкие плисовые шаровары, подпоясанные широким поясом или просто кушаком, картузы на головах — резко выделяла нас на улице австралийского города. Словом, картина занимательная для тамошних жителей.

Но ребята вели себя свободно, не смущаясь, а даже гордясь, что вот, мол, люди на улице останавливаются, на нас глядя.

Многие австралийцы были с фотоаппаратами.

Мы миновали зрителей, прошли в эмиграционное бюро. Нам указали койки. Обеденный звонок — мы за длинным столом. Подали мясо, картошку, тыквы, каждому — отдельная тарелка, каждому — вилка, ножик. Но нет ложки, нет хлеба. Ребята запротестовали, говоря:

— Дайте нам по-русски.

Нам сначала сказали, что тут не Россия, к обеду хлеб не подается, таков обычай. Но все-таки с этого дня нам стали подавать хлеб. Австралийцы удивлялись, как много мы употребляли хлеба и как мало овощей.

В эмиграционном бюро нас держали недолго, предложили работу. Так как языка мы не знали, то пошли почти все на земляные работы. В то время в Австралии прокладывались новые железнодорожные ветки, и почти на каждой строящейся железной дороге уже работали русские.

К нам на помощь пришли общественные организации Австралии. Там уже существовал так называемый «Союз русских рабочих в Австралии», издавалась газета «Известия» (еженедельник), посредством которой мы, русские, не знающие английского языка, перекликались, знакомились с новым бытом. Газета держала строго курс на воспитание эмигрантов в духе юнионизма.

На постройке железной дороги плата была одинакова как плотнику, так и слесарю при 8-часовом рабочем дне:

Наши русские получали 8 шиллингов в день. Среди нас преобладали люди, которые только и мечтали вернуться с деньгами в Россию. Это мешало их политическому развитию и усвоению идей профессионального рабочего движения.

Я работал вместе с русскими два года на постройке железной дороги. Вместе с нами работали и австралийские рабочие. Они часто говорили:

— Русский имеет много денег, сильно работает.

Видно было, что это им не нравилось, австралийцы обижались на нас, сравнивали русских с китайскими кули. Я часто слышал, как они нашим говорили по-русски:

— Нет скоро, нет скоро!

Старые же рабочие стремились подражать русским и тоже работали усерднее.

— Русский — крепкий человек, — говорили они, хлопывая наших по плечу.

Мировая бойня

Кто за? Кто против?

Эти вопросы одних рабочих объединяли, других разделяли. Но с первых же дней мировой бойни эти вопросы чаще всего можно было слышать на рабочих собраниях, в беседах, спорах и т. д. Слышались и такие заявления:

— Я член АРС¹, а руководители наши целиком втировали за войну и дали на нее немалую сумму денег из фонда членских взносов.

Мировая война вызвала взрыв патриотизма. Лидер английской буржуазии и тогдашний английский премьер Ллойд Джордж, относительно колоний однажды сказал:

— У нас один солдат в траншее, 100 человек должны работать в тылу. Денег мы найдем, но нам нужны люди, и Австралия должна дать людей.

Она дала людей. После этого от нее потребовали свинца, меди, олова, хлеба, сахара, мяса, масла, шерсти и проч.

¹ Австралийский рабочий союз — профсоюзная организация, объединяющая по большей части малоквалифицированных рабочих разных профессий. Численность — около 160 тыс. Является реакционной, стоит на платформе классового сотрудничества. АРС — главный оплот австралийской рабочей партии.

600 тысяч солдат Австралии пошли на фронт. Они пошли «добровольно», как утверждали буржуазные газеты. Но посмотрим, как они рекрутировались.

Системы рекрутирования были разнообразны. Путем увольнения создавалась периодическая безработица. Была организована во всей стране сеть агентов по вербовке, которые должны были проникать во все углы Австралии. Пресса, церковь, школа, кино—все шли навстречу Ллойд Джорджу. В вербовке приняли участие и буржуазные барышни.

Они раз'езжали на автомобилях, прогуливались возле кабаков, заходили в харчевни, и горькая участь постигала тех молодых ребят, которые попадались им на удочку. Несколько фраз — и подвыпившие ребята доставлялись в полицейские органы. Обращение там мягкое. Записавшись, молодой человек уезжал с девушкой. Потом она трогательно прощалась с ним, клялась ему в верности, и одуроченный «рекрут» уже не встречался больше с «патриоткой», бесстыдно лгавшей ему о своих чувствах.

Демонстрация против войны, организованная коммунистами в Сиднее. На снимке — часть демонстрации

Когда я начал сознательную жизнь

Экономическое положение рабочего класса ухудшалось. Это я ощущал на себе. Безработица все увеличивалась. «Почему все это происходит?» — спрашивал я себя. Этот вопрос не давал мне покоя. Я стал искать ответа в книгах. Прочитал Дарвина, некоторые книги Толстого, Кропоткина, Бебеля и другие. Выписал из Америки газету «Новый мир», «Голос труда», свои «Известия». И понял, что я в кругу врагов. Надо действовать, чтобы живым не сожрали. А чтобы действовать, нужно прежде всего определить позицию, где враг, на каком расстоянии. И я начал изучать Австралию, ее экономику, политические партии, производственные силы, государственное устройство и пр.

И прежде чем приступить к дальнейшему описанию моих скитаний по Австралии, я кратко скажу о природе, населении и народном хозяйстве Австралии. Находится она на юго-востоке между Индийским и Тихим, или Великим, океанами. Австралия — доминион¹ Британской империи. Обширность земли — 2 948 тыс. кв. миль. Народонаселения — около 7 млн. Преобладают европейцы, англичане; кроме европейцев там живет около 50 тыс. природных жителей — чернокожих.

На севере Австралия представляет собою пустыню. Там безлюдье, нет почти никакой растительности. Белые здесь не живут. Черные племена, обитающие около небольших рек, занимаются охотой и рыболовством. Они стоят на низкой ступени развития.

¹ Доминион (латинское слово: „владение“) — название частей Британской империи, пользующихся полным самоуправлением и имеющих свои законодательные учреждения и местные правительства.

В остальных частях Австралии природа очень богата. Земля плодородна. На восточном побережье, в Квинслэнде, находятся свеклосахарные поля, банановые и ананасные плантации. Здесь часто бывают дожди, и поэтому растительность богата. Отсюда вглубь страны начинаются большие пастбища, на которых разводят ежегодно сотни тысяч голов скота. Шерсть и мясо сделали Австралию одним из главных поставщиков этих товаров на заморские рынки.

Главные районы крупного скотоводства находятся в центральной части Квинслэнда и в Западной Австралии, так как здесь сочнее травы и мягче климат.

В Новом Южном Уэльсе, Виктории и Западной Австралии находятся обширные степные пространства, на которых возделываются всевозможные зерновые культуры.

Граница между Новым Уэльсом и Викторией проходит по реке Меррей, самой длинной в Австралии. Этот край называется Риверина (Приречье). Здесь находятся лучшие стада овец и рогатого скота и лучшие табуны породистых коней. Большая часть этого края имеет искусственное орошение. На берегах многоводной реки Меррей апельсиновые рощи, растут лимоны, мандарины, яблоки, персики, груши и виноград. В реках Австралии очень много рыбы.

Наряду с исключительными условиями для скотоводства Австралия очень богата ископаемыми. Можно сказать, что Австралия — страна огромных природных богатств.

Но в то время как среди небольшой части населения безумная роскошь, изобилие всех жизненных благ, в стране свирепствуют безработица, голод. Понятно, я все больше задумывался о правителях Австралии и о политических партиях, из которых вербуются правители.

В 1916 г. я переменял с полдюжины мест работы. Только в январе 1917 г. я получил работу через бюро безработных на медных рудниках Трекалано.

Эти рудники находятся на северо-востоке, в тысяче миль от побережья Австралии.

В разговоре по пути мне говорили: «Лучше не езди туда, рудники опасны». Но делать нечего, билет взят. Приехав на рудники, мы вынуждены были спать под открытым небом. После настойчивых просьб мы, 5 человек, получили лес, поставили палатки и приступили к работе.

Первую смену я работал подкатчиком. Мне дали очень опасное место; всякую минуту жизнь моя была под угрозой. Я настаивал, чтобы приняли какие-либо меры для устранения опасности. Помощник сменного техника шахты, по кличке «Джим», ответил:

— Я вижу — профсоюзы наши в руках предпринимателей. Мне остается только оставить службу.

Я попросил тогда сменного поднять меня на лифте вверх. Он это сделал.

Едва я расположился в своей палатке, как раздались тревожные свистки. Остановка работы. Почему? Двоих задавило. Я побежал к месту катастрофы и увидел два трупа, которые, как мочала, лежали у лифта. Я подумал: «Надо закрыть эту шахту, она передавит много нашего брата».

И я оставил Трекалано, перебрался в г. Селвин, около 200 км. от Трекалано. Там я познакомился с рабочей партией, партией националистов и организацией ИРМ¹.

¹ Индустриальные рабочие мира — анархо-синдикалистская организация, раньше ведшая боевую под тилку и руководившая большими стачками. Очень много членов компартии Америки и Австралии — бывшие члены ИРМ. Теперь эта организация вступила на путь соглашательства.

У австралийской рабочей партии лозунг: «Австралия — для австралийцев».

У националистов — «Австралия — для белых».

У ИРМ — «Рабочие всего мира — братья».

Рабочая партия (с.-д.) руководит всеми профсоюзами, а профсоюзы не допускают в свои ряды негров, японцев, китайцев, корейцев, индийцев. Это делается с целью искусственно поддерживать антагонизм среди рабочего класса.

Националисты эксплуатируют и черных, и белых, и желтых. Им нужен человеческий пот и кровь. ИРМ же говорит, что рабочие всего мира — братья.

Еще в начале 1916 г. я встретил в г. Инесфаиле русских, которые уже состояли членами ИРМ. Они познакомили меня с программой организации. Несколько недель я прожил в Инесфаиле, будучи уже членом локала (ячейка) № 12, а потом переехал в г. Аир на рубку сахарного тростника с партней в 12 человек, членов ИРМ. Они были арестованы, и тут же мы, русские, собрали деньги для их освобождения.

С этого времени я стал работать, распространяя литературу, собирая фонд для борьбы за освобождение арестованных членов ИРМ. У меня так часто возникали конфликты с хозяевами, что я зарабатывал только на проезд с работы на рабсту.

В марте 1917 г. пронеслась весть о Февральской революции.

Все чаще в рабочей среде раздавались лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует русская революция!». Симпатии к русской революции быстро росли. Конечно, предприниматели не зевали и принимали свои меры.

Нас, русских, выделили как врагов. Мы, мол, повинны в том, что в России рабочий класс оставил фронт братоубийственной войны против Германии. Мы изменники, мы стоим за германцев, и поэтому для нас ввели в «свободной» стране паспортную систему. Оставляешь место — отметят в паспорте. Приезжаешь в новый город — пропишись. Проживая на месте, каждые две недели являйся в полицейские органы, рапортуй.

На рубке сахарного тростника

Мне везде отказывали в работе. Остался единственный выход: искать работу на полях сахарного тростника. Работа производится по контракту, продолжается весь летний сезон, около 6 месяцев; расчет ведется с тонны. Рубка тростника — сама по себе работа очень тяжелая — происходит все время под жгучим солнцем; к тому же сдельная оплата построена таким образом, что один другого погоняет, чтобы побольше нарубить тростнику. Работа ведется артельно; отставать нельзя. Сами рубщики говорят, что человек может выдержать только 3 — 4 сезона, хотя подбираются рубщики из самых крепких физически людей. И я сам видел нескольких своих земляков, которые остались инвалидами до конца жизни после работы на тростниковых полях.

Итак, сезон рубки тростника в 1917 г. начался. Я без работы в Хам-Хиле. Обошел все поля: все группы полны. Безднадежно остановился на улице, стою против харчевни. Вдруг сзади окрик:

— Блинов!

Я обернулся.

— А, Левидский, добрый день!

— Ну, Блинов, как дела, откуда, где был?

Я рассказал, что везде был и нет для меня ничего.

— Знаю, тут тебе не найти работы: ведь у тебя, что на уме, то и на языке. Проповедуешь социализм, юнго-низм, где не следует.

— Разве может человек менять свои убеждения?

— Я не говорю, чтобы ты изменил свои убеждения, я хочу этим сказать, что некоторые члены нашей организации, когда без работы, долбят, долбят. Тогда-то они очень горячи и проповедуют. А на работе молчат. Вот что — продолжал он помолчав, — я укажу тебе контракт, но только для тебя.

— Как? Разве для одного человека заключается контракт?

— Да. Угостишь?

— Еще бы, — отвечаю я, — идем.

— Нет, я смеюсь, — говорит Левицкий, — мне угощение твое не нужно. Я знаю, — ты был несколько месяцев без работы. Вот, миля одна отсюда, у меня заключен контракт с фермером, мистером Супер. У него $3\frac{1}{2}$ тонны в день. Ты день будешь рубить, на второй грузить. У них одна телега. Вон по этой дороге иди и налево первый домик его.

Я поблагодарил Левицкого и пошел к фермеру. Подхожу к дому. Собака залаяла на цепи. Попугай повторяет за собакой. Выходит из дома пожилой человек. Крикнул на собаку. Она замолчала, но попугай продолжал кричать.

— Алло, Коки! Алло, Коки! — напрасно силился уговорить попугая хозяин.

Я спросил:

— У вас имеется контракт на рубку тростника?

— Да, но он уже вят. Вы русский?

— Да.

— Ваш земляк взял контракт и обещал прийти, но не идет вот уже четыре дня.

— Простите, я забыл спросить ваше имя.

— Мистер Супер.

— Да, мистер Супер, я этого земляка видел, он и послал меня к вам. Сам он не придет.

— Так? Ну тогда вы будете моим рубщиком. Пойдем, посмотрим.

Обошли кругом полосу. Он объяснил, что это первый урожай и он боится, чтобы тростник не остался на корню из-за отсутствия рабочих рук.

— Почему? — удивленно спрашиваю я.

— Да ведь рубщики по большей части русские, а у нас на собрании фермеров постановили брать только тех русских, о которых знаешь, что они не бунтовщики. Многие русские состоят членами ИРМ. Я первый раз тебя встречаю, как и твоего земляка. Ну, пусть будет так: я знаю тебя хорошо. Так и скажу. Я тоже юнчионист.

— Как? — спрашиваю я Супера.

— Я двадцать пять лет работал у Стуурса в шахте, моя профессия — машинист. Я тебе покажу профсоюзный билет.

— Я верю.

— Но для тебя достаточно будет семи тонн в два дня? Заработать можно будет двадцать пять шиллингов в день. А подневно зарплата — сорок шиллингов.

— Мне достаточно.

— А земляк твой говорил, что этот заработок мал для него. Но для юнчиониста это нормальный заработок.

Я ему ответил:

— Двадцать пять шиллингов в день — это не так уж мало. Я спать на работе не буду, но и в больнице не был и не хочу быть.

Я начал рубить. Первые дни я не нарубал семи тонн. Суперу пришлось мне помогать, так как я сильно намозолил руки.

Но жена Супера дала мне какое-то натирашье для рук, и они после этого затвердели. Все же я не нарубал нормы. Однажды за обедом мистер Супер сказал, что некоторые нарубают 6 тонн в день.

— Может быть, и так. Но как они работают? При быстрой рубке они оставляют в поле под ногами много тростника и высоко рубят. Я знаю, что у вас первый урожай и его нужно собрать весь и ниже срубить. Я отношусь, как к своему добру.

Хозяйка и хозяин слушали и наконец согласились со мной, что лучше тише рубить, но так, чтобы рубка была ниже и чище.

Я добросовестно, по правилам работал. Хозяин и хозяйка уважали меня. Я сжился с ними. После работы по обыкновению мы беседовали. Как-то они попросили меня раз'яснить им, что такое икона, почему Лев Толстой был против войны.

— Где вы эти слова нашли?

— Вот в газете сообщение из вашей страны.

Я об'яснил им, что такое икона. Говоря о Толстом, обмолвился о том, что члены ИРМ в тюрьме лишь потому, что выступали против войны.

Когда я произнес слово «ИРМ», оба посмотрели на меня.

— Вам нравятся члены ИРМ?

— Да не только нравятся, я люблю их как братьев. Я член их организации, — и я вынул членскую книжку с уставом ИРМ.

Фермер читал вслух:

«Рабочий класс и класс предпринимателей не имеют

между собой ничего общего. Мир не может быть до тех пор, пока миллионы трудящихся терпят голод и нужду, а немногие лица пользуются всеми благами жизни»...

Он все прочитал, на точках останавливался, смотрел на меня.

— Хотите, мистер Супер, я вам принесу газету ИРМ?

Он ответил утвердительно. Я принес газету и дал ему, а сам ушел спать.

Я слышал, как он долго читал вслух. Оба громко разговаривали, но я не мог понять, о чем шел разговор.

Утром спрашиваю:

— Как, нравится?

— Некоторые статьи хороши.

Тростник так и не срубили: сахарный завод остановили, и мы с моим хозяином распрощались в декабре 1917 г.

Поступил я на меднолитейный завод. Там уже работало несколько русских, которые жили в собственных лачугах у самого завода. Но на этом заводе проработал я немного.

Подошло рождество. Завод закрыли на праздник. После двухнедельной остановки завод начал работать. Вызвали рабочих. Я считал себя вправе начать работу так же, как и другие. Несколько раз приходил, но видел, что мое место занято.

Ответ хозяев был один: «Полно».

Что делать? Я обращался к лидерам профсоюза (АРС). От них получил ответ: «Мы не вели кампанию за то, чтобы содействовать твоему возвращению на работу».

Я понял, что мое увольнение сделано компанией в согласии с лидерами АРС.

У меня в лачуге находилась библиотека. Некоторые стали пользоваться книгами. Я договорился с одним членом ИРМ, чтобы они забрали библиотеку в городок, ибо

там есть возможность собирать читателей. Я поручил это сделать одному товарищу, но к нему явился полицейский агент и конфисковал библиотеку как «порох большевиков» (так назвал агент библиотеку).

В течение трех месяцев я не работал; жить было не на что.

Иду в полицейскую станцию (управление), прошу паек безработного. Обращаюсь к полицейскому: «Дайте мне талон безработного»¹.

— Что?

— Дайте десять шиллингов на харчи.

— Как вы смеете просить?

— Я законно обращаюсь к вам.

— Да, законно действуют большевики! Русские устроили шествие рабочих в Брисбене с красными знаменами против войны.

Талон безработного он мне все же выдал, но потребовал:

— Уезжайте отсюда.

— Я не могу поехать.

— Иди пешком.

— Я не хочу пропасть на дороге, как собака (место безводное, и были случаи обнаружения трупов).

— Ты хочешь бунтовать здесь? — крикнул полицейский.

— Я прошу только работы.

— До свидания...

Полицейский повернулся и ушел.

Я был без работы три месяца.

Случилось так, что содержатель гостиницы уволил девушку. Союз решил защищать уволенную. Было созвано собрание членов союза, которое постановило поста-

¹ В Австралии пособие безработным выдается через полицию.

вить девушку обратно на работу, в противном случае объявить забастовку (не пить пива). Воспользовавшись необычайной решительностью союза, я подал заявление, в котором просил союз собрать общее собрание для обследования вопроса и о моем увольнении. На второй день вечером помещение кино было переполнено. Кто-то выкрикивает: «Германец! Большевик!». Но собрания сорвать не удалось. Большинство было за восстановление меня на прежней работе, в противном случае — забастовка. Компания не стала сопротивляться, и я вернулся обратно на работу. Спустя три недели завод окончательно остановился, и рабочие раз'ехались кто куда.

Стачки

Я перебрался в г. Тоунсвилль. Это время совпало с большим революционным движением. Забастовка моряков, железнодорожников и рабочих мясных заводов расширялась. Лидеры профсоюзов под давлением рабочих должны были принять «самые решительные меры» для успеха забастовки, которая велась под лозунгом «за рабочий контроль». Решительность выразилась в том, что лидеры Капей и Келли организовали поход рабочих на скотный двор, куда ожидали прибытия штрейкбрехеров. Чтобы не дать убить скот, нужно было его убрать. Для этого в темную ночь рабочие группами пошли к загону скота, который находился в 15 км. от Тоунсвиля. Меня пригласили поехать туда же на автомобиле в 4 часа ночи. Я завел будильник, чтобы не проспать. Однако это было напрасно: я не спал всю ночь и в 4 часа оставил город. Рабочие незамеченными приблизились к скотному двору, где уже ожидало около 200 человек, прибывших ранее. Обсудили, решили действовать. Идем к воротам. Темно. Натолкнулись на полицейского. Он, вероятно, заснул. Его отстра-

нили. Возле нас сторож спрыгнул и как испуганный заяц побежал без оглядки.

— Товарищи, держитесь один за другого! — кричал т. О'Греди (который был убит впоследствии полицейским) и сам первый взялся за ворота. Раз, два, три — ворота затрещали. Открыли выход скоту. Подняли крик, шум. Напуганные быки точно взбесились и метнулись вон из скотного двора. Через несколько минут они неслись по полю без оглядки. Очистив двор, рабочие подождали рассвета, потом решили возвратиться в город. Пришли на полустанок железной дороги, где находилось около двух десятков полицейских, но они никого не тронули, несмотря на то что рабочие начали распевать революционные песни.

На следующий день мы прочли в газетах сообщение о том, что несколько человек арестовано. Через неделю были арестованы лидеры.

Как только прошел слух об их аресте, был созван митинг в центре города около «Дерева знания». После митинга было предложено приветствовать заключенных, и тысячи рабочих пошли к тюрьме, чтобы прокричать «ура» Капей и Келли. Но как только они поравнялись с тюрьмой, из ограды последней вышла дюжина полицейских.

Волна рабочих бушует, вот-вот хлынет через ограду. Окрики полицейских, потом холостой выстрел. Рабочие кричат «ура» и успокаивают друг друга: «Это холостые выстрелы». Вдруг раздалось: дзинь, дзинь. Полетели пули. Демонстрация дрогнула, попятилась. Ни у кого не было оружия.

— Предатели! Дикари! Убийцы! — неслось по улице со стороны возмущенных рабочих.

Около тюрьмы было поднято семь раненых, один из них был житель соседней улицы.

На другой день чуть свет рабочие стекались к «Де-

реву знания». Тысячный митинг был открыт секретарем союза. Это был человек длинный, тощий, хитрый. Его знали, поэтому после нескольких слов раздались голоса:

— Тебе место в речке, вон отсюда!

Он быстро ушел.

Люди все прибывали. Появились прямо с работы железнодорожники. Они шли демонстративно, во главе оркестр духовой музыки играл «Красный флаг». Оркестр умолк. Звучно запели впереди рабочие. Железнодорожники остановились.

Взволнованный рабочий-железнодорожник Митчель вскочил на машину. Люди кричали: «Говори».

Он с первых слов начал говорить о кровавом деле полицейских, говорил и показывал через тысячную толпу:

— Вон убийца стоит! У меня шрам на лбу, — проводил он рукой по своему лбу, а затем опять показывал на полицейского:

— Возьмите этого гада!

Толпа заволновалась, повернулась в противоположную от оратора сторону. У громадного здания банка в дверях неподвижно, как истукан, стоял полицейский.

Вдруг раздался выстрел. Полицейский пошевелился. Затем второй выстрел. Из толпы также начали стрелять. Пули миновали полицейского, ударялись о камень здания. Дверь банка мигом отворилась изнутри, и полицейского не стало.

В несколько минут толпа выбила окна и двери в двух магазинах. Забрала часть оружия.

На улице не было ни одного полицейского. Толпа не расходилась, но и не знала, что делать, как быть. Центр города был в руках восставших.

Еще несколько минут — и крики в толпе:

— Берегись!

Указывали на одну из перекрестных улиц.

Члены клуба коммунистической
молодежи в Брисбене

— Полицейские стрелять будут.

Люди повернули голову, раздались предупреждающие крики. Показался отряд полицейских, остановился. У всех винтовки были взяты на прицел.

Полицейский автомобиль приблизился к толпе. Рабочие расступились. Автомобиль оцетинился со всех сторон дулами револьверов и медленно проехал к зданию банка.

Дверь отворилась, в несколько минут вынесли ящики с деньгами и положили в автомобиль, который после этого умчался.

Это было уже за полдень. Толпа разрядилась, некоторые ушли домой, но плотные группы долго еще ходили по улице. И не миновать бы большой нахлобучки мясным королям, если бы хоть один из них рискнул появиться в этот час на улице.

Уже под вечер рабочие мясного завода заметили на улице директора, хотели остановить его, поговорить, предполагая, что он пойдет на уступки. Но директор шмыгнул в квартиру. Рабочие последовали за ним. Поймали его в одной из комнат на верхнем этаже и стали тащить вниз,

приговаривая: «Согласен на рабочий контроль, уберешь штрейкбрехеров?»

— Возьмите рабочий контроль. Уберу штрейкбрехеров. Отпустите, — взмолился директор.

У здания суда митинг. Ораторы — простые рабочие. Большинство подчеркивает, что «рабочее» правительство (с.-д.) организует по всему штату полицейских, стягивает сюда войска. Для чего? Чтобы запугать, поработить рабочих.

— Нас, рабочих, хотят поставить на уровень жизни кули (китайские грузчики). Но, товарищи, я вам прочту о другом правительстве. Вот действительно рабочее правительство. — Это говорил Чарлей Малый. Он поднял кверху газету. — Слушайте. Это вести из Советской России, — и он начал читать о том, что советское правительство выделило лучших пропагандистов, которые раз'езжают по всей стране в специальных поездах, нагруженных литературой.

Прерывая чтение, он сказал:

— Обратите внимание, товарищи, не полицейские и не карательные поезда, как это было при царе. Слушайте... нагруженных литературой, которая раздается свободно, бесплатно, и тут же показывают кино.

Крик: «Да здравствуют советские рабочие!»

На второй день прошел слух, что вышли поезда из разных городов с полицейскими отрядами для города Тсуясвиля. Но одна утренняя газета сообщила, что в одном месте железнодорожники отказались сопровождать такие поезда. Однако в полдень появились взводы полицейских. Они были размещены по квартирам.

Я и несколько русских женщин стояли на улице. Возле нас промаршировали отряды. Женщины кричали вслед «у-у-у-у».

— Ну что, Блинов, — сказала одна, обращаясь ко мне, — ты ведь хотел переселиться в Центральный отель. Его теперь занимают полицейские. Твои слова не оправдались.

— Что же, днем или недель позже, а я думаю все же перебраться туда. Надеюсь, что прислуга отеля не будет подавать им на стол или повар забастует.

— Наивный ты со своим союзом! Где эти организаторы вашего союза — Томсон...

— Да, они смылись куда-то...

— То-то.

Женщины ухмыльнулись...

Наступили самые черные дни реакции. Город был на военном положении. Всюду полицейские. Несколько буржуазных женщин организовали митинг в кино «Олимпия». Одна лэди призывала бороться со всеми революционерами. «Волнения рабочих, — говорила она, — это результат большевистского влияния».

Тут как раз был убит полицейским т. О'Греди, и через некоторое время лидеры Капей и Келли были освобождены за то, что они «искренно» и откровенно признались, что они действовали невольно и не по своему убеждению. «Это сами рабочие тащили нас на преступное дело» (выпуск скота со двора бойни).

Да, О'Греди был вождем массы, он организовал своим порывом рабочих на борьбу с акулами мясных заводов.

За это его убили прямо на улице в темную ночь. Его похоронили товарищи.

...А реакционные лидеры профсоюзов все трусили, боялись потерять свое профсоюзное жалованье и старались уверить правительство в том, что все будет спокойно. С их помощью революционное движение было задумано.

Я прожил в Тоунсвиле без работы около 6 месяцев. Русским отказывали в работе, и выезд из Австралии был воспрещен. Русские находились в очень тяжелом положении. Я написал воззвание ко всем честным гражданам и товарищам. Это воззвание было послано в местную газету, которая, однако, отказалась его поместить. Редакция ответила, что, мол, если вы, русские, поспокойнее будете держать себя, то скорее выедете на родину.

Я обдумал все возможности, чтобы выбраться из Тоунсвиля. Но напрасно. Наконец я узнал, что один из моих друзей, Морозов, имеет рыбацью лодку. На ней мы начали путешествовать и добрались наконец до г. Кэйиро. 10 миль проехали морем, оттуда махнули на постройку железной дороги. Я поступил там на работу. Пробыл на ней около семи месяцев. В это время у меня был неразлучный товарищ (из Тоунсвиля, с мясного завода), ирландец. Он был семейным, оставил Тоунсвиль ввиду реакции и голода и переехал с женой и двумя детьми в Кэйиро.

Это был типичный ирландский революционер. Его жена рассказывала, как они голодали в Тоунсвиле.

— Я все продала, какие только были пожитки. У нас было несколько стульев, кровать, комод. Была и машина швейная, но за 9 месяцев, когда Ларри был без работы, все пошло по дешевке с торгов.

— Как с торгов? — спрашиваю я.

— Так, мы занимали квартиру в две комнаты. Хотя она не была роскошна, но уют был. Плата сравнительно небольшая, но за все время безработицы мы не платили. И вот нагрянули хозяева и полицейские и продали все наше имущество. Оставили только то, в чем я сейчас сижу. Когда Ларри уехал искать работу, я сама пошла получить паек от полицейского, который долго смотрел на меня, смерил с ног до головы и наконец сказал:

— Вот у тебя какое хорошее платье. Можешь его продать, а не ходить за пайком к нам. Правительство нуждается в деньгах.

Она говорила со слезами на глазах.

Ларри сидел молча, насупившись.

Я сказал:

— Вы должны гордиться тем, что ваш муж — революционер.

— Да, Николай, это хорошо, что Ларри революционер, но вот как с революционерами разделяются. О'Греды убили. А если моего убьют? Вот их двое, — она указала на двух детей. — скоро третий... Кто будет кормить?..

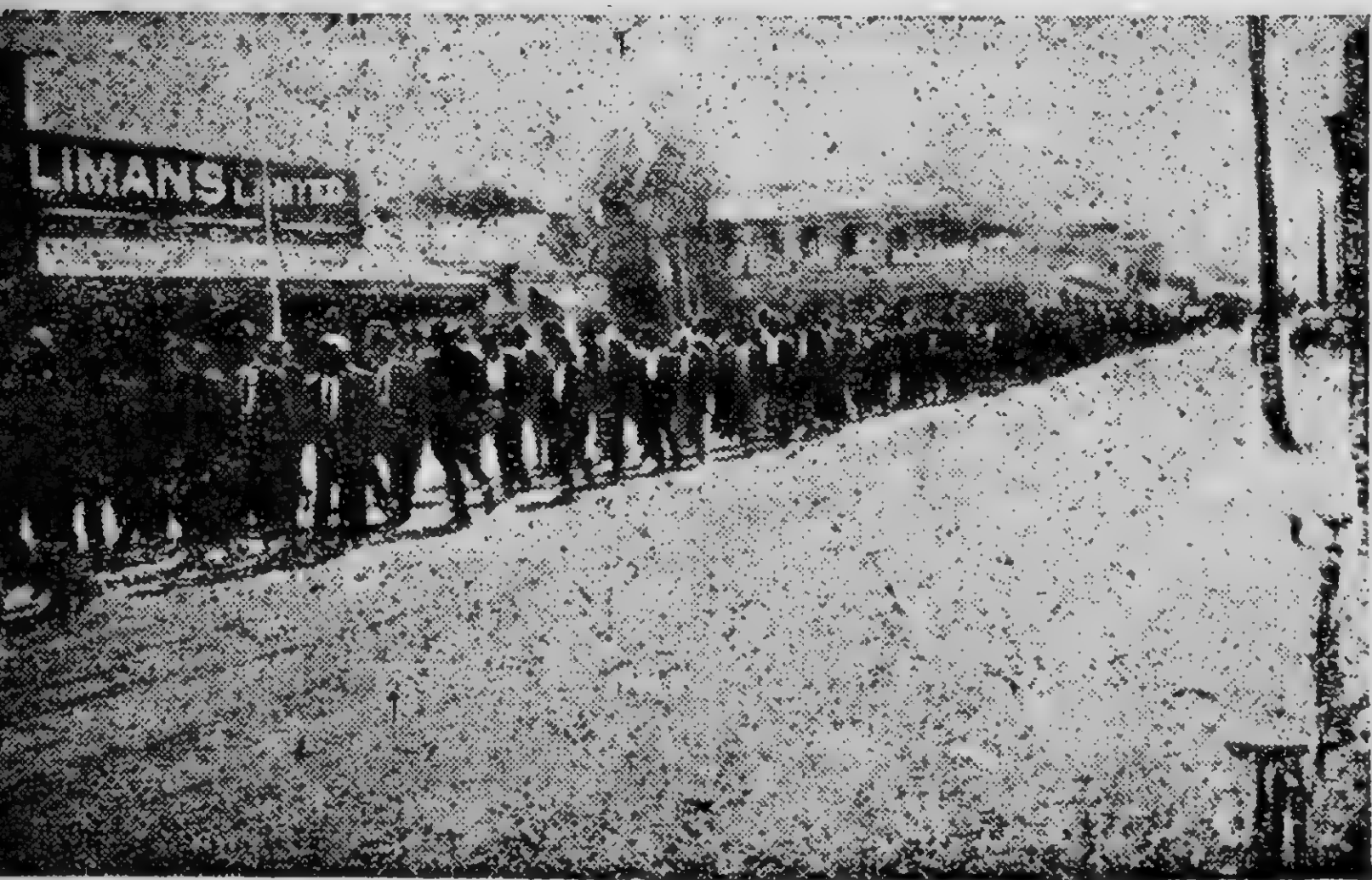
Ларри остановил ее:

— Разве так жена революционера должна думать о будущем? Вот будущее. — Он похлопал по спине мальчика, шестилетнего Джорджа.

Потом взял обоих мальчиков за руки и сказал:

— Будущее принадлежит им, вот этим ленинцам. Джордж, спой песню Николаю.

Джордж тихо запел «Красный флаг». Ларри подпевал, вкладывая в песню всю душу.

Похороны О'Греди

Моя агитационная работа

Это было в первых числах января 1920 г. Я без работы слоняюсь в Кэйпро. Иду по улице. Неожиданно слышу окрик:

— Эй, Блинов, куда бредешь?

— Здравствуй, Козлев! Сколько лет прошло?

Это мой сослуживец на ст. Зима. Мы с ним семь лет не видались.

— Ну, что? Где работаешь? — продолжаю забрасывать приятеля вопросами.

— В Моунт Мулиган. Приезжай к нам. Для тебя работа будет.

— Хорошо.

Через несколько дней еду туда и получаю работу. Работаю неделю. На мой адрес приходят газеты. Этот «порох» вынюхала администрация. Меня перевели на работу к кирпичной машине. В моем распоряжении было две тачки. Возить далеко кирпичи я не успевал. Товарищ, который принимал кирпич, посоветовал снять ботинки:

— Попробуй босиком.

Я быстро сбросил ботинки, пробежал 20 км. в час и после обеда не вышел: устал. На второй день мне не дали начать работу: я был уволен. Как обычно, устроили собрание. Постановили послать делегацию к инженеру Уотсону. После трех попыток Уотсон сказал:

— Ваше требование поставить к машине добавочного человека я выполняю. Но русского поставить к машине не могу.

Таким образом вопрос был решен не в мою пользу. Мне пришлось снова подумать об отъезде в другой город.

Я знал, что мой товарищ Николаев (со ст. Зима) имеет оловянный прииск в 50 км. от г. Уиндхэм. Переехав в Уиндхэм, начал расспрашивать, где такой-то и

как его найти. Как-то во время расспросов на самого Николаева и напал:

— Откуда ты?

— Я тебя как раз ищу.

— Ну идем, выпьем по стакану пива.

— Я слышал, что ты собственник прииска? Я ищу работу.

— Идем на мой прииск.

— Сейчас и к чертям на кулички готов пойти.

У Николаева был велосипед. Наложили харчей, главное муки, и двинулись в путь. Я первый раз ознакомился с приисками и с такой работой, но скоро цена на олово упала, мы решили бросить это дело, и я вернулся на побережье. Это было в начале 1921 г.

Приехал я в Инесфайл. Скоро начнется рубка тростника. Нужно как-нибудь подработать. Группируются рубщики, но у меня нет друзей, кто бы мог порекомендовать в артель. Спасибо негру-повару. Он подошел ко мне.

— У тебя нет рекомендации? Я найду тебе группу. Я уже говорил по поводу тебя.

— Кому?

— Вот этот получерный, он набрал ребят разных наций, кроме англичан. Он не любит их, а тебя он возьмет. Если спросит, где ты прошлый год рубил тростник, ты ему скажи что-нибудь.

— Ладно, я знаю, что сказать.

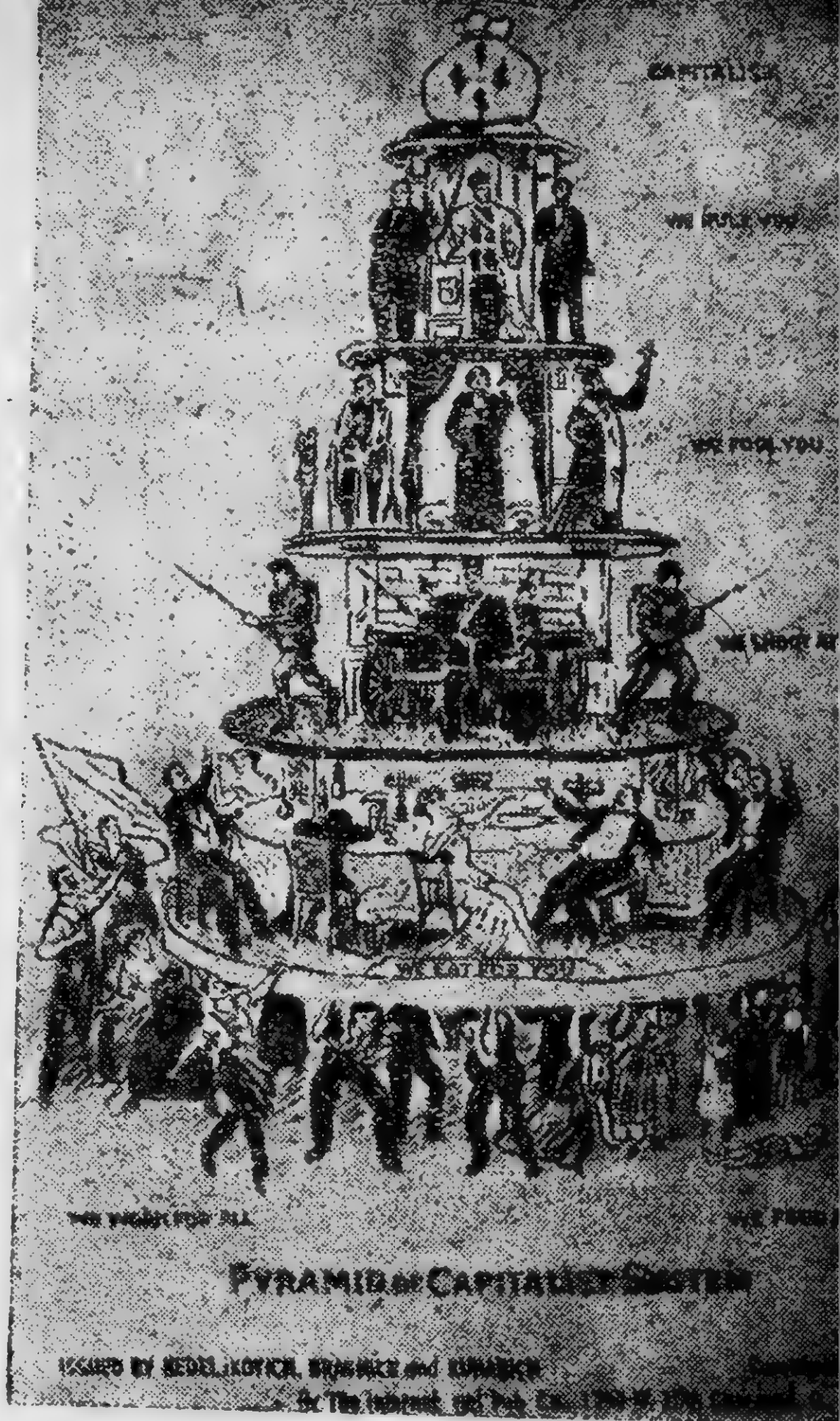
Повар закричал:

— Ата! Ата!

К нему подошел человек маленького роста, как их называют, хавкаст (полукровный).

— Вот, Ата, русский товарищ, хороший рубщик, но нет знакомства. Идет рубку тростника.

Ата протянул мне руку, смерил взглядом.

И мы скоро догово-
рились обо всем. Я
пошел на ферму ита-
льянца. В группе —
три итальянца, два
испанца и я, русский.

— Интернационал, —
заметил старший.

Нам нужно было договориться относительно условий. Мы имели в виду правила, которые установил профсоюз, именно — работа с 8 утра до 5 часов вечера. Итальянцы недавно прибыли в Австралию, бывшие крестьяне, говорили по-английски плохо, о союзах знали мало, даже побанчивались их, поэтому они были против союза. Но я им объяснил

разницу между австралийским рабочим союзом и коммунистами-большевиками и сообщил много сведений о России. Они прекрасно меня поняли, я с ними проработал четыре месяца, в то время как в других группах я не мог продержаться и четырех недель.

Рубка сахарного тростника, как я уже говорил, ужасная работа. Но мне пришлось снова взяться за нее, чтобы собрать денег на проезд из Австралии в Советскую Россию, о чем я стал мечтать с первых дней Октябрьской революции.

По окончании работы я вместе с двумя русскими поехал в г. Сидней. Там пошли к итальянскому консулу, чтобы наложил визу на паспорт. Но тот ответил, что получил инструкцию от своего правительства не пускать русских.

Мы — к пароходной компании. Не продают билетов.

Говорят:

— Если бы вы были рыбы или что-нибудь в этом роде, мы могли бы рисковать, но вы — люди. Если Италия не выпустит вас на берег, мы не можем вас бросить в море, как бросили бы товар. Вас нужно обратно везти. Не выгодно нам связываться с вами.

Что делать?

Пришлось вернуться в г. Брисбен. Опять без работы и без средств. Британский пароход стоит в порту. Требуется четыре кочегара. Я мигом туда, со мной идет кавказец. Приходим на пароход, обращаемся к капитану. Требуется вид на жительство, чтобы узнать подданство. Мой товарищ — британский подданный, хотя и уроженец России. Его взяли. Я же был русский подданный, и потому капитан отказался меня взять. Я просил, чтобы хоть куда-нибудь сунул меня, хоть ко всем чертям, лишь бы Австралию оставить.

— Не могу, — был ответ.

Так и не удалась попытка оставить Австралию. Вскоре я получил от одного своего товарища, Хоменкова, немного денег, на которые уехал в город Бендэберг.

Там зарегистрировался в бюро безработных. Подошла моя очередь. Но я уничтожил союзный билет, так как был уверен, что я буду в Советском союзе. Пришлось восстановить свое членство. Получил я работу опять на постройке железной дороги. Тут было большое поле для агитации. На постройке было 400 рабочих, и ни один из них не знал коммунистической газеты. Я прямо сразбегу дал телеграмму в редакцию газет «Коммунист» и «Обю» о том, чтобы выслали по моему адресу по 10 дюжин газет.

С рабочими я уже был отчасти знаком, так как все они были вместе со мной зарегистрированы в бюро безработных. Это облегчало мне агитационную работу среди них. Мы группами, человек по 50—70, растянулись по направлению к тому участку, где должны были работать по прокладке железнодорожной линии. Поставили палатки. Между нами было много семейных. С нами было кино. Стали оформляться кружки спортсменов. Представители АРС, потирая руки, думали:

«Добились того, что работу получили сотни безработных, чего же еще?»

Никто из представителей АРС не позаботился об организации рабочей библиотеки. Между тем я получил свои газеты — рабочую под названием «ОБЮ» и «Ксмунист» — по десять дюжин каждой. Надо их раздать. Я договорился еще раньше с некоторыми тсварищами. Они обещали помочь мне в распространении газет, но никто не хотел взять на себя инициативу по сбору денег. Только один повар, по имени Джим, бывший член ИРМ, дал мне добавочных денег на пять дюжин газет.

Сначала я вел работу так. Хожу из группы в группу, даю в руки рабочему газету и спрашиваю его, не желает ли он читать и получать регулярно газету каждую неделю.

Как-то, встретив меня за разноской газет, повар Джим Велш, спросил:

— Ну, Блинов, принес пороку?

— Да, — отвечаю.

— Ну так давай часть сюда, я после обеда сагитирую товарищей рабочих, чтобы они читали эти газеты.

И действительно, Джим роздал обеды и сказал товарищам:

— Прошу не уходить, я хочу сказать вам несколько слов. В ваших интересах послушать меня.

Многие посмотрели в ту сторону, где я сидел с газетами.

Помолчав некоторое время, Джим проговорил:

— Товарищи! Вот русский товарищ Блинов пришел за 10 км., хотя сегодня и воскресенье. У него нет отдыха. Я чувствую, что он выполняет свой долг как сознательный рабочий.

Голос:

— Давай сюда, большевика!

— Да? Хотите? — спросил Джим. — Ладно, он идет навстречу желанию рабочего класса, и мы должны его приветствовать.

Голос:

— Приветствуй их, молодцов! Они разложат АРС, как фронт против германцев разложили.

— Верно! Верно! — прервали оратора дружные голоса.

Джим продолжал:

— Между вами, товарищи, есть много спящих. Да, это верно, ибо усыпляет вас вот эта проклятая дешевая большая газета.

Он поднял над головой буржуазную газету и потряс ею в воздухе.

— По этой газете я определяю рабочего. Если бы я спросил вас, что вы читаете, то узнал бы, на чьей стороне не ваши симпатии. Товарищи, давайте читать вот эту газету.

Джим поднял над головою «Коммуниста».

— И с сегодняшнего дня станем ее подписчиками.

Я прерываю Джима, обращаясь к собранию:

— Товарищи! Я спрашиваю вас: кто желает получать газеты «Обю» и «Коммунист», сообщите ваше имя и фамилию. Я буду передавать вам регулярно газеты. Денег пока я не требую, но когда получите посылку, я предъявляю вам подписной лист, и каждый даст, сколько может. Давайте, на общую подписку. Вы будете получать пачкой и распределять сами.

— Ладно, Николай, приходи в посылку.

Я проделал по всем артелям то же самое, и через некоторое время собрал деньги и гарантировал редакциям уплату.

Газеты получались регулярно. Привозила их с почты машина как и другие газеты. Я был очень доволен тем, что так успешно провел кампанию за выписку коммунистической литературы.

К тому же я написал письма в Мельбурн, в Сидней и Брисбен, в которых просил выслать брошюр и книг. Через некоторое время я получил книги, брошюры, журналы. В числе книг были антирелигиозные, выпущенные издательством «Рационалист». Все — бесплатно. Благодаря этой работе я познакомился со всеми товарищами, заглядывал в каждую палатку, советовал, что читать, и раздавал книги бесплатно. Я завоевывал симпатии к себе со стороны рабочих. Моя агитация вызывала интерес. В этом меня убедил такой случай. Как-то раз один фермерский сын Глишен сказал мне:

— Николай, пойдем на мою ферму, я покажу тебя своей матери и бабушке.

— Зачем это?

— Так, они всегда спорят со мной, что русские — народ страшный, а я говорю: — Нет, они такие, как и мы.

Я пошел.

По дороге мы разговорились.

Я спросил собеседника:

— Бабушка религиозная?

— Очень.

— А ты?

— Я верю и не верю. Я прочитал книгу, которую ты дал.

— Какую?

— Мак Кэбэ! «Обращение к разуму». Там все верно сказано.

— Тебе сколько лет?

— Девятнадцать. Если бы я был моложе, я не мог бы работать.

— Почему?

— АРС не выдал бы профбилета¹. И сейчас ругают меня: мол, фермерский сынок работает.

— Да, я знаю это. Нельзя сказать, что фермерские сыновья — плохие юнионисты. Вернее, весь АРС никуда не годится.

— Да, я читал в «Обю». Там правду говорят, что лидеры АРС только раз'единяют рабочих. Берегись, тут колючая проволока, — он откинул проволоку и провел меня в дом. В доме как будто никого нет. Но Глишен крикнул:

— Бабушка? Ты дома?

— Куда же я пойду в такую жару?

Мы пошли на веранду.

Прежде чем подать табуретку, Глишен сказал:

— Вот, бабушка, это русский человек.

¹ У АРС имеется система договоров с предпринимателями, по которым предприниматели берут на работу только членов АРС, за что АРС гарантирует им, что он будет удерживать рабочих от стачек

Группа рабочих, занятых
на постройке железной дороги.
Крайний слева — т. Блинов

Старуха лет пятидесяти, крепкая, посмотрела на меня добрыми глазами:

— Нет, Дик, это не русский.

Я рассмеялся.

— Я русский и сын фермера.

— Да вы красивый человек! Ну, простите, я мало знаю людей, мало их видела. В России, говорят, много большевиков, и злые люди в Сибири.

— Я родился в Сибири.

— Да?

Вопросительно посмотрела на меня, ожидая, что я буду говорить. Но Дик сам начал раз'яснять старухе. Он говорил долго.

Я привстал с табуретки.

— Сидите, — проговорила старуха. — Будем чай пить.

Я отказался от чая, спросил холодной воды. Дик налил из ведяного мешка воды. Я выпил и вскоре ушел обратно на место работы.

Спустя несколько недель администрация уволила члена одной артели. Артель решила дать отпор. Остановили работу, выбрали делегацию, которая об'яснила всем другим

артелям, в чем дело. Работу приостановили и другие артели. Несколько недель рабочие стойко стояли на своем, требуя принятия обратно на работу уволенного. Но забастовочный комитет внес другое предложение, — убрать мастера. Это породило у нас разногласия.

Одни говорили: «Если инженер хочет возвратить на работу уволенного, нужно начать работу». Другие требовали увольнения мастера. И после голосования наша часть, требовавшая принятия на работу уволенного, осталась в меньшинстве. Артели возобновили работу, ничего не добившись.

После забастовки инженер распорядился, чтобы «бунтовскую» литературу не доставляли на место работы, и мне пришлось возить ее на велосипеде. По этому поводу я обратился с письмом к районному секретарю АРС, который мне ответил:

— Вы хотите, чтобы инженер возил вам литературу? Но он не хочет этого, а заставить его нельзя.

Я передал это своим ребятам. Они удивились, что представитель их говорит таким языком. Буржуазную прессу привозить на место работы можно, а рабочую нет. Я дал заметку в газеты: «Обю» и «Коммунист» о том, как изгоняют рабочую прессу инженер и лидеры АРС. Рабочие читали эту заметку и говорили: «Это по заслугам. Им так и надо».

Заметка попала и в руки секретаря районной организации АРС Д. Мартина. Он сейчас же собрал митинг, где было около 200 человек.

— Товарищи, — сказал он, — я приехал сюда, чтобы показать вам разницу в положении рабочего сейчас и двадцать лет назад. Между вами сидит сумасшедший из одной артели, который говорит, что ответственные работники АРС ничего не делают для рабочего класса.

Я спрашиваю:

— Кто сумасшедший? Назови имя.

Голоса:

— Он погорячился! Холодной воды! Блинов, на рукавицы! (на бокс). Иди, Блинов!

Митинг был сорван. Представителю АРС не дали говорить. Все разошлись ни с чем.

Утром я сам вывесил об'явление: «Необходимо созвать собрание, я хочу доложить кое-что».

Вечером после ужина сошлись рабочие. Я выступил на собрании с такими словами:

— Товарищи рабочие, Джорж Мартин, ваш представитель, хотел лишить меня возможности жить и работать вместе с вами, но я не останавлиюсь ни перед чем. Все свое свободное время я отдавал тому, чтобы вы в глуши имели возможность прочесть полезную книгу. Я хочу предложить вам следующее: давайте устроим здесь библиотеку.

Возражений не было. Тут же мы собрали денег для выписки газет, журналов, книг и у нас скоро появилась передвижная библиотека. Организован был дискуссионный кружок, и время от времени собирались сторонники как АРС, так и ИРМ. Последние не решались выступать против коммунистов и говорили за них. Против меня были ответственные работники АРС, но я отбил их атаку. Вел против меня подкоп также инженер Бояворд, добиваясь моего увольнения, но рабочая масса крепко стояла за меня, и я остался на работе.

Тут как раз появились в печати сообщения о том, что русские могут возвратиться из Австралии в Советскую Россию через Японию. Я только того и хотел. Написал немедленно запрос японскому консулу в Сидней. Через две недели я получил ответ. Консул раз'яснил, что все русские, едущие через Японию, должны иметь при себе 250 иен, едущие с пересадкой в Японию — 500 иен. В противном случае их возвращают в Австралию за собственный счет.

Я подсчитал, сколько нужно мне на расходы для выезда из Австралии и на возвращение в СССР. Оказалось, что около 1250 шеп.

Чтобы достать эти деньги, нужно было еще год работать.

В таких тяжелых обстоятельствах я убедился, что моя агитационная работа не прошла даром. Оказалось, что семя коммунизма, которое я сеял среди рабочих, дало ростки. Дело было так. Ответственные работники АРС во главе с Д. Мартином, секретарем районного союза, второй раз посетили нас на работе. Мартин вторично выступил перед рабочими, заявляя, что здесь не Россия и АРС не пойдет по следам Блинова.

Я заявил собранию:

— Товарищи, спросите Мартина, верит он в марксизм, или я скажу, кто он таков.

Шум. Голоса: «Блинов, на бокс!»

Мартин:

— Блинов боится ехать в Россию, он трус.

Я перебил его:

— Дайте возможность, я сейчас же уеду из Австра-

лии.

— Ты имеешь возможность оставить Австралию всегда, когда угодно.

Я ответил:

— Я не Иисус Христос... — Поднялся смех. — Иисус мог ходить по воде, а мне нужны пароход и средства. Дайте хоть 50 фунтов, и я сейчас же оставляю место.

Выходит Бен Гэд, пьяный:

— Я таких большевиков буду вешать на телеграфном столбе. — К нему подбежал с кулаками молодой, крепкий ирландец Мак Суини.

Гэд сейчас же замолчал, но и г-ну Мартину пришлось отказаться от едких фраз по адресу ИРМ и коммунистов.

Через некоторое время под предлогом сокращения работы, инженер меня все-таки уволил.

Вновь я без работы. Но у меня уже в привычку вошло двигаться с места на место, и через 4-5 месяцев я получил работу на новостроющейся железнодорожной линии Ингам—Кардуэлл. Тут я работал в течение девяти месяцев.

В это время возникла забастовка, которая продолжалась девять недель. Забастовка была вызвана тем, что инженер самовольно установил расценки на некоторые работы, как, например, на распиловку шпал. Рабочие признали расценки низкими и потребовали увольнения инженера. Администрация отказалась удовлетворить требование. Рабочие, как один, оставили работу по всей линии, причем предварительно не уведомили об этом союз. Руководители союза уговаривали рабочих отказаться от забастовки, доказывая, что они якобы поддались вредному влиянию коммунистов. Рабочие, однако, стойко стояли на своем, выдержав забастовку в течение семи недель.

Холостые получали пищу в столовой, которая была организована забастовочным комитетом.

Союз, убедившись в стойкости рабочих, вынужден был признать забастовку законной. Этот маневр союз проделал для поддержания авторитета АРС. А рабочие заявили, что раз забастовка законна, то они требуют 1 фунт в неделю стачечного пособия. Союз вынужден был согласиться и на это. Было объявлено, что все рабочие будут получать забастовочные.

Однажды на место, где должна была происходить раздача забастовочных денег, явился штрейкбрехер Плотников. Несмотря на то, что он работал во время забастовки, он держал себя независимо, так как делал это по соглашению с руководителями АРС.

Я запротестовал, заявив, что ему нельзя выдавать забастовочные.

Плотников рассвирепел:

— Молчи, здесь не Россия, а Австралия!

Я отвечал:

— Сожалею, что не Россия, там тебе свинца бы, только не фунт.

Эта выдача забастовочных была первая на моей памяти. Я участвовал во многих забастовках, и всегда руководители АРС свободнее выступали против забастовок. Но на этот раз штрэйкбрехерская пропаганда не повлияла на рабочих, и забастовка была выиграна. Инженера убрали, но после двух недель и я был уволен. Было обидно, но пришлось промолчать. Девятинедельная забастовка очень истощила рабочих, и хотя товарищи и горячились по поводу моего увольнения, вопрос о вторичной забастовке поднимать было немыслимо.

Рабочий Ангусь спросил меня:

— Куда ты отправишься?

— Я выход нашел, если вы только поможете.

— Какой?

— Куплю лошадь и двухколесную телегу, нагружу фруктами и буду привозить вам. Покупайте у меня.

— Ты, товарищ Блинов, предлагаешь нам, как капиталист, помочь тебе драться за рынок?

— Да, да, — полушутливо ответил я.

— Ладно, — рассмеялся Ангусь.

Так и сделали. Я вскоре стал об'езжать все артели и обделять их фруктами. Фрукты брал у садовника, сам снимал их с дерева, ибо хозяин не имел рабочей силы и поэтому был очень рад, что нашел покупателя. Я заверял, что ежедневно могу брать у него 10 ящиков фруктов. И вот, бывало, придешь, нагрузишь телегу, а он в придаток еще целый мешок даст даром. И так я доставлял фрукты регулярно рабочим. Я «завоевал рынок», но в то же время не прерывал и переписки с организациями.

И вот вскоре я получил письмо от т. Скот Беннет, известного оратора и лектора в Австралии. С ним я познакомился письменно. Беннет писал мне: «Я хотел бы побывать у вас в Кардуэлле. Если можете что сделать, я буду рад. Мои лекции будут следующие:

Первая — «Примитивный коммунизм». Вторая — «От жестокости — к братству». Третья — «Человечество в долгу у восстающих».

Я ответил: «Рад, что вы не забыли обо мне. Пожалуйста, приезжайте. Приготовлю вам слушателей и фруктов».

Я сейчас же устроил лотерею и разыграл ящик фруктов. Раздавая билеты, я говорил, что всякий, купивший билет, будет иметь возможность выиграть за 2 шиллинга ящик фруктов и в то же время услышит лучшего лектора в Австралии, члена парламента в Мельбурне. И я имел успех. Даже полицейские взяли билеты. Я собрал 9 фунтов на оплату расходов по устройству лекций.

Скот Беннет приехал. Его лекции имели полный успех, хотя в Кардуэлле, в небольшом местечке, на это было мало шансов, так как жители в первый раз слышали такие речи. Но слушали Беннета настолько внимательно, что он сам немало был удивлен этим. С жадностью ловили каждое его слово. Благодаря выступлению Беннета расширился круг лиц, которые имели симпатию к моей агитации.

Вскоре я получил подписной лист от рабочих Сиднея для сбора денег в фонд голодных женщин и детей Германии и собрал солидную сумму.

Так я существовал несколько месяцев. Но вот постройка линии кончилась. Я должен был искать где-нибудь новую работу. Слышал, что требуются люди на рубку дров для сахарного завода. Я нанялся там и работал несколько месяцев.

На погрузке

В 1925 г. благодаря товарищам я нелегально вступил в члены федерации грузчиков.

Положение этих рабочих было лучше, чем положение других. Грузчики лучше зарабатывали, жили более культурно, чем рабочие на железной дороге, ибо в пригороде была возможность посещать кино, театр, слушать лекции, пользоваться городскими библиотеками и т. п. Однако пристанские грузчики были довольно пассивны. Происходило это оттого, что в порту арбитражным судом (устанавливающим в Австралии заработную плату) определена оплата по часам. В этих условиях хозяин всегда «лучшим», т. е. несознательным, неактивным рабочим, может дать хорошую работу, «худшим» же, активным, боевым, — худшую. Или «хороший» рабочий работает 16 часов, даже по 24 часа безотрывно (сверх 8 часов плата полуторная), а сознательному рабочему вовсе не дают работы.

Почти во всех портах система набора рабочей силы одинакова.

Набор происходит в клубе или просто на открытом месте, у парохода.

Требуется 200 человек, а их тут 500.

Вот эти 500 человек окружали агента. Агент становится на возвышенном месте, толпа смотрит на него, затаив дыхание.

Он указывает пальцем:

— Вот ты, Джек! Ты, Джон!

Пот струится по лицу, хочется утереться, но боишься, как бы не проворонить взгляда хозяина. Напряжение толпы достигает крайних пределов. Как только прозвучит последнее слово агента, все закашляют, завздыхают, за-охают.

Нет счастья! Обратно на квартиру, где может быть голодная семья ждет «счастья» — принятия на работу.

Для сознательного рабочего это моральная пытка. Он не выдерживает этого. Поэтому в пристанские грузчики идут очень отсталые слои.

На этой почве зародилась вражда между сознательными рабочими и функционерами, ответственными представителями федерации грузчиков Австралии. Эти представители федерации грузчиков так же, как и вожди Австралийского рабочего союза (АРС), одинаково боролись против признаков классового пробуждения грузчиков.

Такое пробуждение выразилось в том, что рабочие попробовали изменить существующую систему найма на работу и установить очередь на получение работы.

На севере, в Квинслэнде, уже делались попытки установить такую очередь. Казалось бы, что нет более простого, более понятного и справедливого разделения работы между членами союза. Но ни паровой компании, ни союзу это не подходило, так как установление такой системы означало бы солидарность рабочих. Им же нужен был антагонизм среди рабочих, и те, которые готовы были бороться за такую систему, попадали в немилость у союза.

Для них существовали черные списки. Попавшим в такой список не было возможности найти работу в порту, и приходилось менять место службы, сниматься с учета в одном порту, ехать в другой и т. д. Ты имеешь право спрашивать работу, но будешь ли иметь ее — это вопрос. Новый хозяин не знает тебя и может не дать работы.

Так мне пришлось побывать почти во всех портах Австралии. Меня интересовала городская жизнь. В культурном отношении меня привлекали два города: Сидней и Мельбурн.

Сидней — город более промышленный. Он имеет замечательный парк, в который по воскресеньям и праздникам

стекаются люди со всего города послушать ораторов разных политических партий, людей науки, проповедников и т. д. Тут выступают анархисты, индустриальные рабочие мира, националисты, рабочая партия, фермерская ассоциация, Армия спасения и т. д., профессора, священники, учителя. Словом, в парке для политических жуликов есть полная возможность проповедывать перед рабочими, клясться им в верности, затуманивая ложь капиталистической системы.

Однажды подошел я к грузчику-чернокожему, чтобы с ним заговорить. Он опасливо показал рукою на старшего. Мол, не разрешает говорить с белыми.

— Почему?

— Много агитаторов между белыми. А особенно опасный ты, русский.

— А что в том, что я русский?

— Да я знаю что. Ты большевик!

Я хотел с ним поговорить, но надо было заступать на работу: начиналась наша смена.

Один раз со мной грузил молодой англичанин, красивый парен, но очень оборванный. Я спросил, почему он так оборван.

— Потому, что я мало работаю.

— Как? Я вот тоже мало работаю, но у меня целые брюки.

— Но вы 2-3 дня в неделю работаете, вам хватает, а для меня и этого нет.

— Почему?

— Потому, что я не член союза грузчиков. Я взят на работу случайно; не хватило членов, или они прозевали, ушли, а мы не зеваем.

И он засмеялся.

Во время обеда мы развернули салфетки. Мы, белые рабы, нам отдают некоторое предпочтение. Вовле нас на

носу едят индийцы-моряки. Они едят без салфеток, и у них на обед только рис. Едят они из мисок прямо руками, которыми опираются, о грязный пол.

Я взял фотоаппарат. Почти все запротестовали. Я спросил почему. Выяснилось, что хозяин не велит, а некоторые из религиозного чувства не хотели видеть эту «нечисть».

В поисках работы

Наша организация, т. е. Австралийская федерация грузчиков, была разбита¹. Многие всю жизнь работали на пристанях, имели дома, семьи и никогда не допускали мысли, что они окажутся бездомными бродягами. И все же им пришлось вместе с семьями пойти вглубь страны на розыски работы. Ходили слухи о том, что прокладывают железную дорогу к тому месту, где Русско-азиатская компания приступает к громадным работам. Дело это было в январе 1929 г.

Я слонялся по городу, как и другие грузчики, в ожидании отправки вечером рабочего поезда, с которым возвращались рабочие на постройку железнодорожной линии Моунт-Айза. В этом поезде должен был быть Джим Велш, повар, с которым я познакомился в Мэни—Пинс. Но я его встретил совсем неожиданно на улице, возле харчевни.

Завидев меня, Джим крикнул:

— Здравствуй, Блинов!

— Знаешь, Джим, — сказал я ему после привет-

¹ В 1929 г., после поражения забастовки грузчиков, федеральное правительство провело закон, по которому уничтожалось право преимущественного набора на работу членов Федерации портовых рабочих. Кроме того все штрейкбрехеры, работавшие во время забастовки, были оставлены на работе, а много членов Федерации было уволено. Это очень уменьшило количество членов Федерации.

ствия, — наш союз разбит и вот я слопаюсь безработным и без денег.

— Тебе нужны деньги?

— Да, Джим, нуждаюсь.

— Сколько нужно тебе?

Я счастлив: у меня есть деньги на железнодорожный билет.

Ехать от города Тоунсвила в глубь страны около тысячи миль, в очень жаркую погоду.

Чем дальше от побережья, тем сильнее жара. Кроме того появляются в большом количестве мухи. Это, очевидно, объясняется тем, что в степи круглый год пасется рогатый скот и овцы. Уже из окна вагона все время наблюдаешь большие стада, которые привольно гуляют в бескрайней степи.

Против меня сидит рабочий средних лет, небритый, лицо озабочено, на руках у него ребенок. У жены рабочего тоже грудной ребенок на руках. Он все время кричит. Ее нетерпеливо толкает мальчик четырех лет:

— Мама, а мама, скоро Дисчес?

— Скоро, скоро, молчи.

— Мама, мухи!

Эти дети, их жалобы возвращают меня к мысли, как хорошо жить на побережье, ну, скажем, в Кардуэлле. Лежишь под тенью, а тебя обдувает свежим прохладным морским ветром. Вот этой семье жить бы там, но нет, ее кормилец поехал обратно в Дисчес, где пыль, как облака, жара, мухи.

Дисчес был известен в военное время как большое в оживленное местечко с населением около 30 тыс. А теперь во всей округности вместе с медным рудником Трекалано, где работает около 100 человек, и железнодорожными рабочими, которые ютятся в палатках, не более чело-

век 200. Небольшая группа домиков указывает на то, что после войны Дисчес совершенно разорился.

Я был тут 12 лет назад. Тогда был город, сейчас жалкие лачуги — и все.

Дисчес умер. Но рабочий народ бродил по окрестности, искал хоть признаков работы и на расстоянии около 80 км. были найдены россыпи богатой серебро-оловянной руды.

Бродячие искатели называли эту гору Айза. Здесь не безызвестная миру Русско-азиатская компания откупила маленькие шахты и подготавливала строительство завода. К этому месту была проведена железнодорожная линия, но не до конца; приходилось идти пешком около 20 миль.

Рано утром рабочий поезд отправляется в конец ветки. Мы на ночь легли спать на платформе, чтобы не проспать поезда. Утром свисток. Мы встали и через несколько часов доехали до конца ветки.

Нас, мешочников, было около двух десятков. Разбились по группам. Со мной случайно отделился один товарищ.

— Пойдем вместе, — сказал он, — вот сюда, здесь ручей, вода хорошая, напьемся чаю и отправимся дальше.

Звали его Гарри. Он был англичанин. У него котомка за плечами, в ней все необходимое, главное — харчи. Он поставил на огонь котелок с водой, вскипятил чай, угостил меня вареньем. Затем мы двинулись в путь — к горе Айза.

Мы шли целый день. К вечеру пришли к кооперативной столовой, где поваром был Джим Велш. Я слышал, что Джим — лучший повар: у него обеды дешевле и вкуснее.

Но Джим был не только хорошим поваром; он был также хорошим пропагандистом и оратором.

Однажды я спросил, чем объясняется, что у него обеды лучше, чем у остальных.

— Николай, главный секрет тут в честности и все.

Я отношусь ко всему, как к своему добру, не выбрасываю зря продуктов, употребляю их с расчетом, чтобы хватило и не осталось.

Да, Джим был лучшим другом рабочих. Как сознательного рабочего любили его братья по классу и ненавидели хозяева, отказывали в работе. Поэтому он и стал поваром. Когда я пошел в его столовую, он сразу громко-гласно сказал:

— Что, Николай, пришел на новый рынок?

— Да, Джим, необходимо искать покупателя.

— Хотя и стыдно большевику, ну, ладно. Как себя чувствуешь? Устал? Садись.

— Да, ноги натерты, пальцы все в мозолях.

Вокруг меня собралось несколько товарищей, которых я знал 10—12 лет назад. Кто-то из них принес перекиси водорода. Джим дал таз промыть ноги в растворе перекиси. Я поставил ноги в таз и оглянул столовую. Вижу объявление на столбе: «Приходящим безработным отпускается три обеда бесплатно. Комитет».

Прерываю разговор, спрашиваю Джима:

— Значит, я могу тут покушать?

— Еще бы, для тебя будет все, — говорит один товарищ.

Джим поясняет:

— Это член комитета по столовой, я внес предложение, чтобы отпускали безработному не более трех обедов. Конечно, у нас остается, и мы даем, но смотря по человеку. Ведь среди безработных встречаются и малоразвитые, и шпионы, которые служат орудием в руках хозяев и действуют против нас. Верно ведь, Николай?

— Да, но достаточно разговорной пропаганды. Николаю нужно покушать, — говорит один товарищ.

Я так увлекся едой, что забыл про ноги. После уже вынул их из теплого раствора, чувствуя себя хорошо. Ноги

обтер, кто-то дал мне туфли. Мне указали в одной палатке койку, и я крепко спал всю ночь. Эту встречу я в жизни не забуду. Зато Русско-азиатская компания отнеслась ко мне враждебно.

Я приехал в Айзу в первых числах января 1929 г. Шли подготовительные работы. Безработные прибывали ежедневно. Они располагались под открытым небом, иногда завесившись тряпьем от солнца.

Возле сухой речки я избрал себе место и спросил полицейского:

— Можно тут поставить лачугу?

— Можно, только не шуми.

Я попросил у тракториста, который работал на разрыхлении кочек для железной дороги, бензиновые банки и ящики. Он не отказал. Я скоро воздвиг такую лачугу, прямо небоскреб.

Разбив банку, покрыл крышу, ящики пошли на стенки и на пол. Мне товарищи безработные говорили, что не стоит трудиться, но я отвечал: «Чем сидеть возле бара и выжидать стакан пива от других, я предпочитаю сделать для себя жилье на неделю, но с комфортом». И я был прав. Сотни безработных жили возле сухой речки, некоторые просто в песке и тут же отправляли естественные потребности. Правители города предъявили безработным требование выбраться в 24 часа по другую сторону реки за километр от жилья. Явилось двое полицейских и как выючных животных погнали безработных.

Ко мне подошел комендант городка и спросил:

— Ваше имя?

— Блинов.

— Где работаете?

— Нигде пока.

— Вы безработный, да? Ну, а вы знаете, что безработные переселяются вот туда?..

И он указал пальцем по тому направлению, куда погна́ли безработных.

— Почему вы переселяете безработных?

— Распоряжение от санитарного инспектора.

— Но вы можете подтвердить, что хотя я и безработный, а держу себя и лачугу в достаточной чистоте. Я думаю, что в харчевне такой чистоты нет, как у меня в лачуге.

Он безмолвно оставил меня в покое.

Все-таки я был озабочен тем, что не могу получить работу. Джим уезжал: его столовая ликвидировалась; он пытался получить работу у компаний, но встретил отказ; его даже предупредили, чтобы он убирался подобоу-поздорову.

Джим попрощался, оставил мне деньги. В течение шести месяцев я каждый день ходил в главную контору, где нанимали рабочих, но, как и другие, без успеха.

В одно утро была перекличка. Вызывали по одному и задавали вопросы. Регистировались ответы на следующие вопросы: возраст, национальность, региона, женат, холост, где была последняя работа, сколько времени безработный. Требовалось пред'являть профбилет. Кто не имел такого, тому задавали ряд новых вопросов.

Жилище безработных
в Айнсе

Тут компания ясно показала, что она идет рука об руку с АРС (Австралийским рабочим союзом). Надо быть осторожнее. Сознательные рабочие поняли, что они попали в окружение хозяйских шпионов.

Ко мне подошел пристанский грузчик Арни:

— Николай, я считаю, что бесполезно тебе ходить сюда, ты не получишь работу.

— Почему?

— Все известно компании: кто, откуда.

— Я то же слышал, что материал для подбора рабочих собран, но что же делать?

Мы уже знали, что профсоюз поднял на собрании вопрос, о том, что гора Айза только для британцев (т. е. только английские подданные могут приниматься на работу).

Но рабочие говорили: «Тут британцев не хватит, ожидается много работы».

Я подумал, что получу работу у подрядчика по постройке завода.

Пошел в контору. Дело уладилось. Но в первые же дни я столкнулся там с одним рабочим по фамилии Скортый. Он требовал, чтобы в первую очередь работу получили британцы, во-вторую — другие европейцы, итальянцев же и греков не допускать вовсе на работу. И этот рабочий был наш цеховой представитель!

Трудно было молчать, когда такие хозяйские шпионы вели разлагающую пропаганду среди рабочих, и не раз у меня происходили схватки на эту тему.

Мое увольнение было подготовлено. Я был переброшен в другую бригаду, т. е. группу, в субботний день, за 15 минут до окончания работы.

Помощник инженера дал распоряжение, указав пальцем на меня и на одного финляндца.

— Вот этих пошли в контору, пусть возьмут лопату с собой.

Я кинул:

— Зачем?

— Там скажут.

Со мной был послан и финляндец. Дорогой он спросил меня:

— Зачем мы двое с одной лопатой идем в контору?

Я ответил:

— Это очевидно только предлог к увольнению.

В конторе я обратился к главному инженеру Проссеру:

— Зачем нас послал сюда ваш помощник?

Он, видимо, затруднялся найти подходящий ответ.

— Очень много людей, да... Вчера вновь поставлены на работу шесть человек.

— Разве вчера набирали людей в эту группу? — спросил я помощника инженера, который стоял тут же.

— Да, нужно было шесть человек.

Инженер Проссер немного помолчал:

— Ты, Блинов, уволен, товарищ твой будет работать.

— Но, господин Проссер, я хотел бы знать, почему и за что я уволен? Нельзя же так без причины, у нас есть право обращаться в свой профессиональный союз.

— Ты, Блинов, опасный для других человек.

— Господин Проссер, я вас не понимаю.

— Ты не знаешь этой работы, может произойти несчастный случай.

— Господин Проссер, вы ошибаетесь, я родился на заводе и в Австралии работал на постройке сахарного завода в Саут Джонсоне и в Моунт Касбирит на постройке меднолитейного завода. Это подтвердят некоторые товарищи, которые здесь у вас работают.

— Пусть подтверждают, но ты уволен.

— Я обращусь в союз.

— Дело твое.

На этом мы кончили разговор.

„Защита“ профсоюза

Я сообщил в профсоюз о моем увольнении. Созвано было срочное собрание. Народу было много, но никто не знал, по поводу чего собрание. Одни думали, что разговор будет о лиге британцев, другие предполагали, что какой-то «агитатор» волнует рабочих в самый разгар начатых громадных работ, что, мол, большевики хотят помешать процветанию горы Айза...

Наконец собрание открыто, вопрос поставлен ясно: об увольнении инженером Проссером рабочего Блинова. У всех внимание напряжено. Я стою готовый доложить. Мои товарищи по работе не знают, за что и когда я уволен.

— Я скажу вам, товарищи, что ваш инженер просто выбрал меня, чтобы на мне попробовать, насколько союз наш крепок. Хотя господин Проссер нашел причину, но она неудачна. Он сказал, что я опасен для окружающих. Но мне незачем говорить вам о себе, пусть другие скажут, кто знает меня. Я заверяю вас, что я не был штрейкбрехером. Наоборот, я хочу стать в ряды активных членов профсоюза и стоять на защите рабочих интересов. Я не забываю о том, что я должен драться с оружием в руках, если этого потребует от меня рабочий класс Австралии. Я тогда бы знал, что я уплатил долг свой Австралии и получил одинаковые с вами права, товарищи. Я убежден, что предприниматель употребляет все средства против сознательных рабочих. Первая жертва — это я. Прошу защищать не меня, а рабочие принципы. Если позволите ему убрать с работы одного, он вскоре будет увольнять оптом. Это вы должны принять во внимание и сказать предпринимателю раз навсегда, что здесь не Китай и не царская Россия.

После меня взял слово наш бригадир.

— Товарищи, я знал товарища Блинова раньше и сей-

час. Блинов работал под моим руководством, и поэтому я знаю его больше, чем господин Проссер. Блинов не может быть опасным, ибо он самый опытный у меня рабочий, и я заверяю, что если бы все рабочие были таковы, как Блинов, то не было бы несчастных случаев. Это первое. Блинов — трезвый, это второе, главное. Вот все, что я могу сказать о Блинове.

Были еще прения. Наконец собрание приняло предложение — послать делегацию из трех человек к инженеру Проссеру.

На второй день собрание нетерпеливо ждало результата переговоров. Делегация возвратилась и доложила собранию, что Проссер не хотел даже разговаривать по этому поводу. Он сказал только:

— Я знаю, что делаю. Вы меньше митингуйте, лучше будет для вас.

Вот и весь ответ. Таким образом, делегация не могла узнать, по какой причине я был уволен.

Председатель спросил:

— Кто что может сказать?

Вышел на середину комнаты старый рабочий. Говорил он немного, убеждал нас, что инженер действует обдуманно, знает, что он делает. В конце он сказал:

— Насколько я знаю Блинова, если бы все рабочие в среднем были такие сознательные, как Блинов, у нас не было бы капиталистического строя.

Голос сзади:

— Ты коммунист?

— Да, я коммунист, если хочешь, прибавь еще — большевик. А ты — хозяйский шпион.

На собрании шум, крики. Председатель потребовал:

— Выведите его.

Но он сам покинул собрание.

В сильном волнении встал товарищ Чарли и внес предложение:

— Если инженер не восстановит на работе товарища Блинова, объявить через 24 часа забастовку.

Прения. Выступил руководитель местного профсоюза:

— Не надо, товарищи, горячиться. Надо действовать умело, дабы отстоять право свое на защиту своих членов.

Наш союз могучий, но прямое действие может повредить.

Голоса:

— Ты союзник хозяев!

— Тише! — успокаивает председатель оратора.

— ...Я, думаете, боюсь забастовки?

Голоса:

— Конечно нет, у тебя биллиард и кафе!..

— Тише, товарищи! — кричит председатель. — Я предлагаю оратору продолжать.

— У нас есть право, и мы победим арбитражем, вызовем судью.

Чей-то голос возражает:

— Если судья вынесет решение в пользу инженера...

— ...Если так, тогда мы сможем настоять на своем... бастовать. Я повторяю, не надо перепрыгивать через право, я уверен, что мы победим, если будем действовать законным путем.

Председатель ставит на голосование предложение о забастовке. Предложение проваливается большинством десяти голосов.

Суд

Через сутки приехал судья Вильсон из района.

Наш союз представил в суд троих свидетелей. Инженер — также. Судья заслушал представителя союза, который требовал восстановить меня на работе, а за потерянное время уплатить.

Инженер Проссер что-то хотел сказать, но судья не дал ему выговорить ни слова.

— У них есть право, — сказал судья, — требовать, но будьте спокойны, господин Проссер.

— Господин Блинов, ваше дело я должен выслушать. Я рассказываю:

— Проссер уволил меня без причины. Он утверждает, что я никогда не брал в руки железо, поэтому я буду опасным для других. Но когда я заявил ему, что я на железе родился — на Урале, а в Австралии работал на постройках двух заводов — меднолитейного и сахарного, он на это ответил: «Это все равно, ты нам не нужен». Я окончу на этом, пусть мои сотоварищи скажут.

Слово взял бригадир. К тому, что он говорил на собрании, он добавил:

— Я считаю, что инженер Проссер уволил товарища Блинова за то, что тот родился в России.

Судья рассмеялся.

То же говорили и другие мои свидетели.

— Дали слово помощнику инженера.

— Блинов уволен мною за то, что он не раз ослушивался меня. Я ему скажу так делать, а он по-своему.

Г-н Проссер подтвердил:

— Мой помощник не раз мне об этом докладывал.

Хотя я и доказывал, что помощника инженера в глаза близко не видел и всегда выполнял то, что мне скажет бригадир, судья вынес решение: подтвердить увольнение, принимая во внимание неповиновение начальнику.

Суд кончился.

Комитет перенес дело опять на собрание. На этот раз пришло много пьяных, и сам председатель был пьян. Вынесли решение: помочь Блинову материально и предложили начать сбор денег.

Я категорически возражал:

— Это оскорбительно для хорошего члена профсоюза. Как таковой я требую от вас стоять на своем. Мне — работу или ничего. Принцип дороже денег.

Но собрание было сорвано дракой, и некоторые вернулись в свои палатки с синяками под глазами.

Русско-азиатская компания известна всему миру. Она имела в России заводы, шахты, железную дорогу, но Октябрьская революция лишила компанию этого достоинства и не допустила в дальнейшем эксплуатировать русских рабочих и крестьян. Тогда компания бросилась изыскивать наживу в других концах света. Не избегла такой участи и Австралия; здесь компания присвоила себе гору Айза.

Эксплуатируя несколько тысяч человек и подкупив правительство, компания перетянула на свою сторону и печать. Началась бесстыдная реклама везде, начиная от коробок спичек и кончая ботинками.

Люди шли пешком к этой чудесной компании, которая в такой трудный период хронической безработицы обещала работу и хорошие условия оплаты.

Компания притянула к себе голодных австралийских рабочих. Каждому из них говорилось на ухо, что мы, мол, идем навстречу вам, ваш долг пойти нам навстречу. Рисовались картины райской жизни на заводах компании.

Между тем из достоверных источников уже было известно, что весь район будет обнесен оградой; проникнуть туда или выйти оттуда будет так же трудно, как в тюрьме. Там будут свои полицейские, сторожа, караулы.

Рабочие этому еще не очень верили несмотря на факты. Положение было таково:

Самая большая рабочая организация в Австралии — это Австралийский рабочий союз (АРС). Если ищешь работу, то, как я уже говорил, без профбилета работу не получишь, — уплати членский взнос, тогда можешь подпи-

сывать контракт. Однако многие рабочие собирались отказаться от профбилетов, ибо всем было ясно, что на собранные от рабочих деньги лидеры АРС организовали сеть шпионов и только. Многие рабочие вслух говорят: «АРС — это австралийская рабочая плеватьница». Вот до чего популярен стал этот союз с его лидерами-реформистами и фашистами! Рабочие брали билеты и платили взносы, только для того, чтобы иметь работу или же быть внутри союза и вести там пропаганду за действительный союз рабочих, а не лидеров.

Об этом «профсоюзе» можно судить по следующим фактам. Когда меня уволили, это всколыхнуло рабочих. Компания заработала в свою очередь и договорилась с влиятельными членами союза о том, как поступать. Указания были даны такие: «Митинговать в городке или где-либо недопустимо, собирайте людей вот здесь, на производстве». Поэтому и цеховые представители союза твердили за компанией, что на производстве собираться лучше, особенно когда атмосфера угрожающая и рабочие волнуются.

Самому мне предлагали уехать подобра-поздорову, но я не уезжал ввиду того, что еще не выяснилось положение. Рабочие митинговали и выносили резолюции: «Не признавать АРС и выбрать своего организатора».

Лидеры АРС в такие минуты не зевают. В Айзу вылетел на аэроплане секретарь союза Д. Фалон. Как только он явился, сейчас же попробовал запугать рабочих, заявив, что если они не будут вести себя как достойные члены профсоюзов, то создастся угроза закрытия всех работ. На заданный же ему вопрос: «Как вы смотрите на увольнение Блинова?» — он ответил: «Это, конечно, печальное дело, но мы не подготовлены дать отпор компании, поэтому нам лучше помочь товарищу Блинову деньгами». И он щедро вынул из кармана фунтовую бумажку.

Я заявил:

— Я не Иуда Искарот. Деньги тут не нужны, тут нужен принцип.

Но ребята взяли этот фунт и к нему собрали еще несколько, которые были переданы мне после на билет.

На следующий день я начал думать, куда идти. Везде стоит крик: «Дай работу!» В газетах даже появились объявления: «Плачу 5 фунтов тому, кто даст мне работу».

Словом, работу и за деньги не купишь.

Утром мой сосед по палатке, Джек Павер, говорит мне:

— Я дам тебе работу.

— Неужели?

— Да, я договорился с моим приятелем о заключении контракта с учителем, который имеет уже право на разработку руды. Мы хотели сделать разведку, нет ли там хорошей руды, серебра и олова. Но я не буду там работать: я взял другую — танки делать.

— Ну хорошо, Джек, когда начинать? Я ведь готов хоть сейчас.

— Если готов, идем со мной, я покажу, где этот Боб. Только никому не говори, что я тебе дал работу, и не говори учителю, что ты работал в компании. Скажи, что сейчас только приехал.

— Мне странно. Что может быть преступного в том, что ты уступил мне всю работу?

— Ну, Николай, ты же понимаешь, что компания хочет избавиться от тебя, поэтому она и не подпускает тебя близко к своему предприятию.

— Смешно, Джек, как будто я украл ту работу. Что же, узнают — засудят тебя и меня?

— Засудят — не засудят, а могут оставить и меня без работы.

— Ну, ладно, идем.

Джек довел меня до шахты, где уже его ожидал Боб. Сунул мне записку: «Посылаю на свое место товарища» и исчез.

Я проработал с Бобом две недели. Признаков серебра и в помине не было, и шахта наша закрылась.

На медных рудниках

Проживши в Айзе 10 месяцев, я работал всего 5 недель. Конечно, с таким заработком долго не выдержишься. У меня был уже подготовлен план перебраться в Дисчес. Там у меня был знакомый, который на первое время помог бы мне во всех трудностях работы на рудниках.

Первая трудность заключалась в том, что нужно иметь орудия (лопата, кайла) для примитивной добычи медной руды. Дальше нужно запастись едой и главное водой, так как в местах приисков воды нет. В сентябре 1929 г. я разыскал своих товарищей: русского (Николаев) и датчанина. Они работали уже долгое время в одной шахте, которая принадлежала другому лицу. Владельцу шахты они платили десять процентов из добычи руды.

У датчанина была старая трескучая фордовская машина, на ней они привозили себе продукты и возили руду к ст. Дисчес. Я к ним и присоединился. На той же машине привезли старое железо, из которого я воздвиг лачугу. Но работать с ними мне не пришлось, так как третий работник тут был лишний.

Они посоветовали мне заняться добычей руды самому и даже указали место, где можно рассчитывать на хорошую руду.

Я — мешок на плечи, кайлу и лопату в руки и двинулся. Но так как я не имел ни малейшего представления о сортах руды, то собирал все, что только было сходно с медной рудой, приносил к товарищам, производил ана-

Лизы по их указаниям и заинтересовался этим промыслом, хотя в течение почти двух месяцев ничего не добыл. Но так как товарищи внушили мне еще раньше, что приискателю нужно терпение и только терпение, то я этому правилу и следовал.

Приискатели обычно работают по-двое, иногда имеют и машину. Машину завести легко, но удержать ее трудно. Коли стоимость машины — 300 фунтов, уплати агенту 50 фунтов, а остальные рассрачиваются на год. Покупают приискатели главным образом подержанные машины: они дешевле. У тех, кто замедлит уплату, т. е. просрочит 2-3 месяца, агент отбирает машину и продает другому. А машина играет в этой местности большую роль, так как местность безводная, иногда приходится возить воду за 20 миль. В этом главная трудность работы на приисках.

На мое счастье возле моей лачуги оказался колодезь.

Я начал углубляться в свою яму, не имея никакого опыта в этой работе. Старые приискатели говорили, что эта жила медной руды содержит мало меди, но обещает много в глубине.

Я застолбовал площадь, т. е. поставил 4 столба, на которых сб'явил, что это месторождение руды принадлежит такому-то лицу, и одновременно послал в полицейское

Лачуга Блинова
на шахте Дисчес

Внутренность лагуны
Блинова

управление план, где указал местонахождение шахты. Там зарегистрировали и прислали мне справку на право собственности над участком в 500 квадратных футов. Вся эта процедура обходится в 5 шиллингов в год. После нее получаешь право на прииски медной руды. Без указанной официальной справки не имеешь права появляться на полях.

На этих полях я прожил почти два года и в среднем заработал прилично. Только на вырученные от продажи шахты деньги я и смог уехать из Австралии.

Работа на приисках ведется очень примитивным путем: там на 50 футов не ставят крепи, это лишний расход, которого стараются избежать. Как говорят, риск — благородное дело. Моя работа усложнялась еще тем, что я не имел горна, чтобы раскалить кайлу при отточке. Чтобы раздуть угли, приходилось ставить лист железа против ветра.

Шахта моя считалась лучшей, чем у других ребят. Углубившись на 30 футов, я уже достал руду с 18 процентами меди. Почти все время работал один; друзьями моими были кошка, собака, ружье и велосипед. Я много читал, из московских газет исключительно «Правду».

Вдруг мою шахту затопило водой. Я окончательно

упал духом. Правда, деньги, на которые я мог бы уехать из Австралии, у меня уже были, но я просрочил разрешение, а повторного разрешения из Москвы еще не получил. Меня угнетало, что я живу в Австралии в то время, когда в Советской России ликвидирована безработица, даже не хватает рабочей силы, живу в то время, когда советские рабочие успешно выполняют первую пятилетку.

Я читал в газетах, что в начале 1931 г. во Владивостоке тысячи вагонов стояли неразгруженными из-за... недостатка рабочих. И вот студенты, мужчины и женщины, в красных повязках, под музыку, разгружали вагоны, груженные лесом.

Такие факты я передавал товарищам, которые еще недавно говорили, что Австралия — лучшая страна в мире. Но теперь они уже говорят иначе! Медь на мировом рынке падала в цене, конца безработице не было видно несмотря на обещания, которые мы из года в год выслушивали от тех или других политических деятелей. Сейчас, увы, и они говорят, что не все ладно, что-то не так с нашим парламентом. Безработному же, когда он приходит просить работы, прямо заявляют, что дело безвыходное. Держатели харчевен жалуются, что у них нет дохода, ибо рабочий не пьет и не ест, как раньше...

У меня был друг, дед Райт, у него была машина, на которой он возил на станцию мою руду. У деда было кафе на ст. Дисчес. Я часто заходил в это кафе выпить чашку чаю и съесть бутерброд. Он тоже жаловался на плохие дела.

— Я думаю, дед, все же, что твои дела лучше, чем у кого бы то ни было из нас приискателей.

— Нет, хуже мои дела. Я в этом районе уже 20 лет, и мне приходилось переселяться с места на место с семьей бесчисленное число раз.

— Но ведь ты, Райт, имеешь сейчас дом, где у тебя столовая с буфетом, а на станции у тебя кафе!

— Да. Но что из этого? Вот убедишься. Обожди, скоро придет поезд. Я знаю, что 2-3 человека выйдут выпить чашку чаю и потребуют бутерброд. И это все. Остальные пассажиры просто в окно посмотрят и даже не высунут головы из вагона.

— Я думаю, что в вашей стране люди перережут себе глотки из-за работы.

— Кое-кто и перережет. Ты читал в газете? Итальянец перерезал себе глотку жестяной, потому что у него и ножа не было. Почему он поступил так с собой? Он был без работы, а безработица — это хуже болезни. Люди ее не переносят. Я боюсь за себя, Блинов.

— Брось об этом думать.

— Хорошо тебе, холостому; немного имеешь в кармане и думаешь уехать из Австралии. Когда приедешь в свою страну, пиши мне, как будешь там себя чувствовать.

Из Владивостока я написал ему письмо.

В скором времени я получил извещение от Генерального советского консула в Токио, что для меня есть разрешение на въезд в СССР. Мне осталось запросить австралийское правительство и одновременно японского консула, который должен наложить визу на право въезда в Японию.

Но от австралийского правительства паспорт не так-то скоро получишь.

Таможенные власти сообщили мне, что необходимо лично приехать в Брисбен за паспортом. Кроме того таможенные власти писали:

«Нам хотелось бы знать, на какие средства хотите ехать».

Я ответил, что я просто мешочник (они думали, что собственник шахты), только разница та, что я работаю на месте и у меня мозоли на руках, а у другого мозоли на ногах.

Они удовлетворились тем, что я уплатил 2 фунта

9 шиллингов штрафа за то, что не заполнял ежегодно бланков о зарплате в течение почти 18 лет моего пребывания в Австралии.

Когда я получил паспорт и визу от японского консула, я ожидал только окончания сделки за проданную мною шахту. Через пять дней я уже был пассажиром третьего класса на пароходе, который отправлялся в Иокогаму, в Японию.

Такой билет удастся получить раз в три месяца, так как на других пароходах третьего класса нет. Я написал прощальные письма некоторым товарищам-англичанам, в которых между прочим сказал, что я оставляю Австралию, как смерть, позади.

Возвращение в СССР

В третьем классе было только два пассажира: я и японец, проживший также много лет в Австралии.

Из Маниллы ехала одна женщина. Стоя на палубе, я обратил внимание на то, что она разговаривает с подругой на ломаном английском языке.

— Вы русская? — спросил я.

Она охотно ответила:

— Да, я русская.

— Откуда едете?

— Из Маниллы.

— Куда?

— В Шанхай.

— Ну, как жизнь в Манилле?

— Для русских плохо.

— И много там русских?

— Много. И почти все без работы, если не считать их работу в отелях, где они моют посуду, чистят ботинки. Но эта работа плохо оплачивается. Многие сейчас живут

и в дальнейшем рассчитывают жить только потому, что держат суку.

— Что значит «держат суку»?

— Не понимаете? Многие накупили хороших собак и плодят их, продают щенят.

— Это новое производство для меня. И живут на это?

— Конечно, живут. Еще как! По 300, по 400 долларов за щенка берут...

Первая наша остановка была в Кабуле, на Четверговых островах (британское владение). Жители там — чернокожие, роста небольшого, но сложенные атлетически.

На пристани шла погрузка. Черные голые люди — рабы английских империалистов — очень ловко вскидывали на плечи пятипудовые мешки. Работая так от зари до зари, они получают всего один фунт в месяц.

Сильное впечатление произвела на меня обстановка в Гонконге, большом портовом городе.

Когда наш пароход подходил к порту, видна была масса рабочих шлюпок на воде. Еще поближе — они окружают пароход. Пароход тихо причаливает к берегу. Люди на лодках, как пираты, атакуют пароход длинными шестами с крючками. Ловко закинут шест и крючок, ухватятся за борт парохода и по несколько человек сразу лезут по шесту на пароход.

Я спросил одного матроса-китайца:

— Что это такое?

— Это они с предложением своего труда.

Тут носильщики, цырюльники, починщики, торговцы, агенты гостиниц, с частных квартир. И тут же нищие.

Пароход причалил. На пароходе спокойствие. Но возле парохода на лодках целые семьи. Это нищие выпрашивают милостыню, кусок хлеба или просят, чтобы пассажиры бросали в воду монету, за которой они готовы пойти ко дну.

Трудно описать это зрелище нищеты. Возле парохода не пропадают никакие отбросы пищи, так быстро и ловко их подхватывают. У некоторых имеется гребенка, на подобие невода, но внизу с железными зубьями в виде граблей, которыми со дна моря извлекается все, что выброшено пароходным поваром.

Я видел, что и выброшенные *кости идут в пищу нищим.

На лодках, как я уже сказал, были и семейные. Вот женщина, у которой сзади маленький ребенок; другой, побольше, сидит возле нее. Одной рукой она правит лодкой, гребет, другой держит длинный шест, на конце которого сетка в виде корзины. Она стремится под'ехать поближе к палубе парохода, где пассажиры-туристы бросают из любеспытства в воду серебряную или медную монету. Но молодые ее отбивают, они ныряют за этой монетой, как большие рыбы, и хватают ее ртом.

У бедной женщины за спиною прикреплен ребенок, поэтому она умоляюще трясет корзиной. Но туристам не интересно бросать монеты в корзину.

Я вынул из кармана монетку. Мне заметил один:

— Вы те ловко достают. Бросьте туда.

Но я бросил монету в корзину. Женщина много раз поклонилась в мою сторону.

Пароход отошел в Шанхай.

Там я несколько часов бродил по городу, встретил русского, приехавшего из Харбина. Он держал кафе. Узнав, что я еду в Советскую Россию, он начал было читать мне нотацию, что, мол, как это из такой страны уехал, из Австрални. Там люди с головой, с умом, работают, устраиваются отлично...

— Земляк, я отлично разбираюсь в людях. Есть люди, которые живут для того, чтобы обжираться, есть люди, которые с голоду умирают.

— Это в Австралии? — вскрикнул мой собеседник. — Невозможно по одним климатическим условиям.

— Да вот, как раз наоборот, климатические условия благоприятствуют паразитизму. Австралия — это страна, которая похожа на раздетую проститутку.

Но он не успокоился. Он начал страшить меня тем, что трудно будет пробираться: консулы советские невежественны и взяточники.

Я прекратил разговор и ушел на пароход, который должен был отходить в Мадзи (Япония).

Когда пароход прибыл в порт, явились таможенные власти. Меня не выпустили с парохода, просмотрели документы и оставили в покое.

Затем остановка в Кобе. Тут я беспрепятственно ходил по городу.

Иное было в Иокогаме. На пароход прибыли таможенные власти, жандармерия и сыщики. Особое внимание было обращено на меня. Я один ехал в Советскую Россию. У меня просмотрели документы, посадили за отдельный столик и обратились ко мне с вопросами:

— Женат?

— Как видите по документам.

— Но вы имели жену в Австралии?

— Но, господин, я на такие вопросы не буду отвечать.

— Где ваши вещи?

— Вот тут, на палубе.

— Принесите сюда.

Со мной вышел один из них и помог внести.

— Откройте, пожалуйста.

Я открыл.

Все, что было, он прочитывал. Были письма на русском языке и на английском. Обнаружил годовые партийные билеты (австралийские)... Осмотрел все вещи и фотографические снимки. Узнал на снимке Ленина, Сталина. Когда все просмотрел, один австралийский партийный билет положил в карман (я про него после и забыл), начались вопросы:

— Вот у тебя сколько родни, знакомых. Это кто?

— Как видите, господин. (Это была группа коммунистов города Мельбурна, в середине рисунок серпа и молота.)

Сотни глупых вопросов ставили мне. Наконец, спросили:

— Сколько имсете денег?

— Имею на билет до Владивостока.

Они ушли. Но полицейский дежурил возле меня, хотя не беспокоил и был вежлив.

— Не надо ли папирос?—угощал.—Что нужно, из города достанем тебе.

— Спасибо, мне ничего не нужно.

На второй день пришел ко мне секретарь Генерального советского консула тов. Подольский. Я с ним поговорил и просил его помочь мне, дать на билет до Владивостока.

Тов. Подольский отнесся вполне по-товарищески, дал заимообразно 30 иен (он получил потом от т. Николаева

эту сумму из Австралии) и переговорил с властями, которые в присутствии советского консула попросили меня написать письменное заявление, гарантирующее, что с первым отходящим поездом я должен оставить порт Иокогаму, направляясь в порт Цуругу. Тогда они меня пустили в город, хотя и с помощником (сыщиком). Он показывал и объяснял, что угодно. На третий день он спросил:

— Вам нужно запастись билетом по железной дороге ли на пароход?

— Да, необходимо пораньше, господин.

— Тогда я вам покажу, где контора. Хотите со мной поехать на машине или на моторной лодке?

Я согласился поехать на моторной лодке. Мы в билетной конторе. У меня опять потребовали гарантийное письмо в том, что я оставляю Цуругу с первым отходящим во Владивосток поездом. Я написал.

На пароходе опять полицейский.

Пассажиры-туристы заинтересовались и спросили меня:

— Почему это за вами слежка?

— Они во мне видят опасного человека. Я имею от австралийского правительства паспорт, визу японского консула и советское разрешение. Я не преступник, а они и ночь не спят, стоят надо мной. Из мухи слона делают.

Вечером в 8 часов поезд отходил в Цуругу.

Полицейский сказал:

— Туда едет наш знакомый, который поможет вам вытащить вещи. Берите автомобиль, он ожидает вас.

Я охотно принял услуги, сели оба, поехали на станцию, где таможенные власти остановили нас.

— Сколько имеете табаку или папирос?

— Нет таковых.

Черкнули на чемоданах мелом — и мы на станции. Через несколько минут поезд подходит. «Знакомый» берет

один чемодан, я второй. Он идет вперед, я за ним. В вагоне полно, заняты все места, но для меня потеснились. Я сел. На пути пересадка. Ожидать поезд три часа. Мы вышли из вагона. Сыщик предложил мне отдохнуть и повел в небольшое отдельное помещение неподалеку от станции.

Когда я вошел, вижу человека в форме полицейского. В комнате небольшой столик и диван. Мне опять предложили:

— Вот тут можно закусить, а тут отдохнуть. Это было утром, я закурил в соседней столовой, но не спал, думал: «поезд придет — «товарищ» мой оставит меня». Но он тут как тут, при выходе из комнаты встречает меня.

— Я еду в Цуругу. Дайте, я пособлю вам.

— Пожалуйста.

Опять я в вагоне, но со мной уже другой шик. Из окна вагона за всю дорогу я увидел только жалкие лачуги или просто шалаши. Это жилища японских крестьян. Интересно, что не видно ни лошадей, ни быков. На полях мелькали в большинстве женщины, которые раскапывали землю (рыхлили) лопаткой. Мужчин мало. Из окна вагона эти рисовые поля выглядели так картинно маленькими низкими полосками: одна зеленая, другая черная, третья блестит, как озеро (орошение).

На каждой остановке много мальчишек. Их крик напоминает крик грачей. Мальчишки выкрикивают названия газет, журналов и к тому еще «айс крим» (мороженое).

После полудня поезд прибыл в Цуругу.

Мой товарищ смылся куда-то, я и не заметил.

Пассажиров встречают, предлагают гостиницы.

Я сказал шоферу:

— Мне нужно к советскому консулу.

— Знаю, садитесь.

Я объяснил консулу, что денег у меня только несколько иен.

Он предложил на ночь остаться у него в доме. Я охотно согласился. Принял вечером горячую ванну.

На второй день я оставил порт Цуругу. На японском пароходе, идущем до Владивостока, билет у меня был третьего класса. Я не мог есть японскую пищу, которую мне подали, попросил европейской пищи. За это мне пришлось доплатить еще немного.

Двое суток продолжалась поездка до Владивостока. Это были для меня самые длинные дни из всей поездки, хотя я имел хороших спутников. Один из них был советский гражданин, работавший в Токио у консула, тов. Пронин. Второй — профессор А. С. Вайтфильд — преподаватель английского языка в Токийском университете.

Под'езжаем к Владивостоку. Я с одним из своих спутников стою на палубе. Вот и порт. Попадаются рыбацьи лодки. Мой спутник тянет меня за рукав:

— Смотрите, вон виднеется новая постройка.

Да, мы едем в новый мир, мир нового строительства. Все ближе и ближе здание новостройки. Это холодильник. Мимо проходит небольшой пароход, поровнялся с нашим. Читаю крупные буквы: «Г а г а р а». Повторяю вслух: — «Гагара».

Вот виднеется пристань и люди. Не так давно я видел на снимке красноармейцев. Сейчас вот увижу их и поздороваюсь. Скажу: «Здравствуй, товарищ!» — Хочется рассмотреть и женщину - ударницу с красной повязкой на голове. Я их буду приветствовать. Это может быть те, что выгружали вагоны вот тут, в порту, как я читал об этом в лачуге своей в Дисчесе.

Пароход тихо-тихо движется к причалу. Я стою на краю палубы. Товарищ Пронин возле меня. Вижу красноармейца. Вон там еще и еще. Мужчины-рабочие, как и в Австралии, бриты. Я подумал: «А где же бородатые, страшные, которых рисовали буржуазные газеты?» На

пристани между ними и женщины. Все они так веселы, так свободно держат себя, смотрят быстрыми зоркими глазами в нашу сторону.

Пароход задрожал, дал задний ход и остановился.

Товарищ Пронин показывает:

— Вот моя жена — круглолицая, розовые щеки. Она машет рукой.

Пронин отвечает. Я машу незнакомке платком...

На пароход входят таможенные власти и два красноармейца. Я подхожу к ним и здороваюсь за руку:

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуй, товарищ! Откуда?

— Из Австралии.

Они весело смеются, осматривая меня с ног до головы.

Таможенные власти позвали меня в каюту, просмотрели паспорт, вещи. Все в порядке. Заметили у меня значок, пятикопеечный, партийный. Но справки о моей партийности я не имел.

— Это что?

Указывают на брелок.

— Это значок грузчиков. Я работал в революционной организации пристанских грузчиков.

— Ну, тебе найдется здесь работа в порту или на пароходе. Можешь выходить, ты свободен.

И они попрощались.

На другой день утром я пошел в горпартком, как мне советовал наш консул в Японии. Товарищи из парткома помогли мне устроиться на работу, и я поступил в Экспортлес в качестве пом. стивдора¹. Проработал 8 месяцев и в течение этого времени принимал горячее участие в хозяйственном строительстве.

¹ Стивдор наблюдает за погрузкой парохода, чтобы груз клался ровно, не нарушая равновесия парохода.

На мою долю выпала общественная нагрузка — соби-
рание подписки на литературу, главное на «Правду». Мы
выполнили задание на 100 проц.

С советскими грузчиками у меня установились очень
хорошие отношения. Часто, бывало, они сядут курить и го-
ворят:

— Ну, товарищ стивдор, расскажи, как там, в Австра-
лии, рабочие живут. Едят белый хлеб? Сколько там зара-
батывают? Правда ли, что там безработица?

— Мне кажется,—отвечаю я,—что советские газеты
слишком мало пишут о безработице. Вот, скажем, грузчики
австралийские. Я работал среди них много лет. В послед-
нее время, т. е. с 1928 г., положение грузчиков ухудшилось
ввиду кризиса. Торговли стало меньше, значит и пароходов
у нас в порту меньше. Вот вы получаете около четырех
рублей, это вам здесь гарантируют, а мы в Австралии этого
не имели, у нас половина грузчиков без работы. Пароход-
ная компания стала проводить так называемую капитали-
стическую рационализацию. Она заключается в том, что
стали набирать только половину грузчиков, причем при-
нимали только сливки рабочей силы. Брали очень послуш-
ных; на них они и выезжают. А если бывают протесты, то
на второй день этого грузчика уже не вызывают. Он зани-
мает очередь на работу, а эта очередь продолжается меся-
цами. Вот я вижу: вы чувствуете себя на работе свободно.
Попробуй там это сделать! Если ты оглянулся и сказал
слово или просто устал, остановился, то тебя завтра на ра-
боту не возьмут.

Грузчики хорошо понимали, каково положение созна-
тельного рабочего в буржуазной стране. Но мне не раз
было обидно, что нашей советской прессой так мало осве-
щается жизнь страны, где я промучился около восемнад-
цати лет.

Я—вчерашний раб—с гордостью чувствовал себя рабо-

чим первого пролетарского государства.

Одно время стоял у нас в порту во Владивостоке английский пароход. Капитан этого парохода не прочь было со мной поговорить о положении в СССР и буржуазных странах. Он хорошо знал положение рабочих в Австралии. Бывал там много раз.

— Ну, как ты чувствуешь себя?—спрашивал меня капитан.

— Превосходно.

— А, наверно, жалеешь, что оставил Австралию?

— Нет, капитан.

— Но Австралия — страна хорошая?

— Да, капитан, хорошая, но не для меня.

— Да, ты — большевик, поэтому тебе и было плохо.

— Нет, капитан, не поэтому. Там самые опытные рабочие и те не имеют работы, а вы прекрасно знаете, как чувствует себя безработный, когда в стране всего много, а он голодает. Словом, Австралия — это страна для туриста.

Живя в городе, я старался проникнуть повсюду. Волновало меня, что рабочие получают много духовной пищи. Но особенное впечатление произвела на меня школа, куда молодые и старые ходят на курсы. Школа эта имени Джона Рида.

Книга Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» среди австралийских рабочих очень популярна.

Школа любимого писателя! Я радостно ходил на курсы и написал несколько писем товарищам-австралийцам, где подчеркивал, что в Советском союзе учиться никогда не поздно.

Поэтому, хотя мне уже около 50 лет, я учусь и работаю.

Но Владивосток я был вынужден покинуть, так как не мог перенести его климата.

Приехал в Москву, хотя и без денег. Но разве я их

имел когда-нибудь? Самое важное — страх о завтрашнем дне миновал. На второй день я уже пошел работать. И будучи проводником международного вагона, я познакомился с лицом Советской страны. Я был во многих городах и не закрывал глаза в пути. Когда-то я читал брошюры о будущем обществе, каким оно должно быть. Теперь я убедился, что эти мечты претворяются в действительность.

Редактор Э. Менджерницкая
Обложка худ. Н. Нестерова
Техн. редактор Ю. Бегаев

В производстве с 4/X по 26/XI 1933 г.

С.С.С.Р.

Уполн. Главлита № В—71299
55.000 экз. в п. л. № 277. Заказ № 296. 21½ печ. листа, Тираж 15.000.

Типография Профиздата, Москва. Крутицкий Вал, 18.

Цена 45 коп.

40943

**Продажа во всех книжных магазинах
Книготоргового объединения.
Почтовые заказы направлять по адресу:
Москва, 64, „Книга — почтой“.**